ор 73

□ ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА □

А. В. Флоровский

„ВОЛЯ ПАНСКАЯ И ВОЛЯ МУЖИЦКАЯ"

Страница из истории
аграрных волнений
в Новороссии
1861—1863

Всеукраинское Государственное Издательство
Одесса— 1921.

50
973

ТРУДЫ КОМИССИИ ПО КОНЦЕНТРАЦИИ И РАЗРАБОТКЕ
ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННЫХ МАТЕРИАЛОВ

А. В. Флоровский

„ВОЛЯ ПАНСКАЯ И ВОЛЯ МУЖИЦКАЯ"

Страница из истории аграрных волнений в Новороссии 1861—1863

Всеукраинское Государственное Издательство
Одесса — 1921.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
566256

Р. В. Ц. (Одесса). Зак. № 19180-1275.—3000 экз.
10-я Советская тип.—Херсонская 15.

«Без земли народу жить нельзя, да без земли нельзя его и оставить, потому что она его собственная. Земля никому другому не принадлежит, как народу».

Прокламация «Что нужно народу?» («Колокол», л. 102, стр. 1).

«Для понятий крестьян недоступно уразумение свободы от крепостной зависимости, соединенной с обязательностью выполнять прежние повинности».

Рапорт чиновника особых поручений Турчанинова.

Историк революционного движения в России имеет для своих изучений два об'екта: с одной стороны, движение, питавшееся теми или иными теоретическими или научными предпосылками и заключениями и проявлявшееся в частных, кружковых, партийных, более или менее широких и всегда так или иначе подготовленных и организованных выступлениях,—с другой стороны,—движение, едва ли не сплошь органического происхождения. возникавшее без планомерной подготовки и обдумывания, в разных местах одновременно, выражавшееся в массовых выступлениях в форме непосредственного народного грозного протеста. Одним из ярких моментов в истории этого массового народного движения были «волнения» в среде крепостного

крестьянства, вызванные к жизни актами 19 февраля 1861 года, возвещавшими уничтожение крепостного права и превращавшими крепостных во «временно-обязанных». Для подлинного историка в рабочем его обиходе не существует розовых очков, почему момент «освобождения» при об'ективно-научном изучении перестал уже быть связанным с сердечными излияниями народных восторгов и благодарности. Крестьянство в массе встретило и оценило «манифест» 19 февраля со всеми к нему приложениями значительно иначе, что вызвало свои «меры» со стороны администрации, давшей этим основание Герцену говорить о «всекаемом освобождении» («Колокол», лист 103, 15 июля 1861 г., стр. 868; Полн. собр. соч. Герцена под ред. Лемке, т. XI, Пб., 1919, стр. 162).

Читатель найдет общую характеристику крестьянских волнений периода 1861-63 г.г. в статьях И. И. Игнатович—«Волнения помещичьих крестьян от 1854 по 1863 г.» («Минувшие годы», 1908) и А. З. Попельницкого—«Как принято было Положение 19 февраля 1861 г. освобожденными крестьянами» («Современный Мир», 1911, февраль-март). Наличность подобных общих очерков и ряда частных статей и заметок по указанному вопросу еще весьма недостаточна для общей характеристики и оценки момента. Материал провинциальный доныне был почти не привлечен к делу, между тем как на нем может быть прослежен масштаб крестьянского движения, его интенсивность, напряженность и конкретные формы. Столкновение двух мировоззрений—крестьянского и правительственного, столкновение открытое и решительное, в высокой степени яркое и показательное для длинной

истории крестьянства, это столкновение заслуживает сосредоточенного изучения и изображения.

В настоящей книжке собраны сведения о крестьянских волнениях в связи с реформой 1861 года на пространстве всего так-называемого «Новороссийского края», в те годы включавшего в свои пределы губернии Херсонскую, Екатеринославскую и Таврическую. Основным материалом явились многочисленные дела архива генерал-губернаторского управления в Одессе и, частично, дела архива херсонской духовной консистории и др. Красочность и исключительный интерес темы дали автору смелость пользоваться в изобилии цитатами и отрывками из документов для колоритности изложения и для обстоятельности рассказа.

23 мая 1921 г.

Одесса.

I.

1. Манифест об освобождении крестьян от крепостной зависимости, подписанный Александром II-м 19 февраля 1861 г. и обнародованный в столицах 5-го марта, был получен в Новороссийском крае в десятых числах этого месяца и торжественно оглашен в Екатеринославе 13 марта, в Симферополе 16-го марта, в Херсоне 19-го марта [1]). Из этих центров края весть о свободе, говоря словами корреспондента «Северной Пчелы», скрывшего свое имя под тремя буквами А. А. А., пошла «по телеграфу, с экстра-почтой, с тяжелой почтой, с верховыми, на обывательских тройках становых приставов и исправников, в брод мимо снесенных и ломаемых мостов, на лодках и паромах, среди мчавшихся весенних льдин и сорванных гатей и мельниц», и достигла, в конце концов, до крепостного крестьянина, давно нервно ждавшего ее [2]).

Первое впечатление было мало определенно. Имея перед глазами первоначально почти повсеместно один лишь Манифест без Положений, что имело крайне неблагоприятные последствия, как увидим ниже, крепостные крестьяне не уясняли себе с совершенной отчетливостью конкретных форм своего освобождения. Это

об'ясняло несколько выжидательное настроение крестьян, внешне выражавшееся, казалось, полным спокойствием и даже проявлениями благодарности правительству и некоторым радостным под'емом. Оставляя в стороне свидетельства, подобные корреспонденции «Херсонских Губернских Ведомостей», о том, что и «по наружности все шло обыкновенной чередой в нашем скромном городе» в день опубликования Манифеста, за исключением движения масс народа к церквам, «осажденным ими с каким-то спокойным любопытством и серьезным настроением на лицах»[3]), мы имеем возможность ознакомиться с характеристикой этого момента по секретным донесениям специально разосланных по краю для наблюдения чинов администрации. «Все население совершенно спокойно и исполняет вполне свои обязанности», сообщает майор Хотяев 2-й из Екатеринославской губернии 20 марта 1861 г.; продолжая об'езд губернии, он 10-го апреля вновь подтверждает, что в Павлограде. Новомосковске и др. местах об'явление Манифеста сопровождалось полным порядком и спокойствием, причем в некоторых селениях крестьяне складывались на вторичное молебствие [4]). «Крестьяне вообще выслушали тихо и спокойно чтение Манифеста», писал барон Фитингоф в начале апреля о г. Бахмуте и уезде; после некоторой беседы с помещиками «на лицах крестьян, писал он далее, проявилось выражение радости и довольства, и таким образом великое дело совершилось примерно, тишиной и спокойствием»[5]). «В первые дни, писал Екатеринославский губернатор гр. Сиверс 10-го апреля 1861-го года, простой народ находился исключительно под влиянием

одного только тихого чувства глубокой сердечной благодарности к Венценосцу, виновнику дарованных ему прав» [6]).

2. Однако, внимательные наблюдатели порою тотчас после об'явления Манифеста 19-го февраля, порою несколько времени спустя, обнаруживали и явственно замечали иное настроение крестьян и иное отношение их к об'явленной им «воле». «Крестьяне не поняли Манифеста, писал М. Ольшевский 5-го апреля 1861 г. о настроениях в городе Бендеры, ибо, стоя в церкви в отдаленности от священника, читавшего Манифест, редко кто слышал произносимые слова. Поэтому, сообщает он далее, нельзя удивляться, что крестьяне толкуют дарованные им права по своему разумению» и в Манифесте обнаружили кое что противное их желаниям и надеждам [7]). «Это волкан, покрытый пеплом», сообщает ген. Червинский из Вознесенска 16-го апреля 1861 г., отмечая, что «крестьяне по большей части не понимают хорошо дарованной им милости или понимают ее превратно, полагая, что земля должна быть дана им в вечное владение безвозмездно» [8]). «Чем яснее обозначается перед крестьянами ожидаемое учреждение и улучшение их быта, тем более погружаются они в раздумье, и многие сознают, что прошедшее и истекающее, с которым они свыклись, для них и легче, и знакомее, и выгоднее», писал Турчанинов 6-го апреля 1861 г. из Мелитопольского уезда Таврической губ., повторяя далее — «чем более крестьяне начинают понимать свое будущее, тем кажется безропотнее, если не охотнее исполняют в настоящее время свои повинности

по прежнему законоположению» [9]). «Манифест и новое Положение застали крестьян в ожидании полного и безусловного освобождения от крепостного права, и не произвели на них особенно сильного впечатления и не вызвали восторга, о котором так часто пишут в официальных газетах», доносит Комсин из Херсона в сентябре 1861 г.[10]). «Газеты безбожно лгут, говоря, будто крестьяне были в восторге, писал один из херсонских помещиков К. Рощаковский, — они разошлись из церквей с поникшими головами»[11]). Подобные впечатления были повсеместно, и повсюду раздавалось указание на недовольство крестьян тем, что им предоставлялось актами 19-го февр. 1861 года. Таким образом, первое настроение крестьян, показавшееся первоначально радостью и благодарностью, быстро обнаружило свои основы и особенности, и после нескольких недель выжидания и неясности оказалось ярко окрашенным недовольством, недоверием и решительным протестом.

Для местной администрации, также как и для центрального правительства, было ясно несоответствие между желаниями и ожиданиями крепостных крестьян и тем, что в конце концов предстояло им получить по Манифесту 19-го февраля 1861 г. Момент столкновения надежд крестьянства с действительными способами и размерами его «освобождения» рисовался правительству и его агентам на местах чреватым тяжелыми столкновениями и взрывами недовольства. Центральная власть озабочена была тем, чтобы всякие конфликты и недоразумения без труда можно было ликвидировать твердой властью, с чем были связаны проекты о соз-

дании временных генерал-губернаторов, распоряжения о порядке вызова войск в необходимых случаях и т. п. Администрация Новороссийского края была, таким образом, совершенно подготовлена к проявлению народного брожения и недовольства, и поэтому подобные приведенным выше реляции о крестьянских настроениях не были совершенно неожиданными, но являлись заранее предвиденными — как страшная неизбежность.

Находясь на стороже и изощрив ожиданием опасностей свою чувствительность к народным брожениям, администрация не имела, однако, руководящих указаний,— какое именно действие или выступление крестьянской массы может быть признано враждебным и противоречащим правительственным видам и подлежит подавлению и ликвидации.

3. Обращенный к крепостному крестьянству и в основе меняющий его положение в стране, Манифест 19 февраля не мог быть лишь заслушан в храме Божьем для общего наставления, но вместе с приложениями к нему естественно должен был стать «книгой живота», читаемой, изучаемой, разбираемой и толкуемой до полной ясности, до полного понимания и вразумительности. Эта стадия по существу не должна была беспокоить местную администрацию, ибо оппозиционное настроение могло возникнуть лишь после прочтения и разбора актов 19 февраля. Однако, как оказывается, уже в этот период болезненно-настороженные представители власти на местах порой реагировали на такие действия крепостного крестьянства, в которых только преувеличенные страхи могли увидеть начала бунта и восстания. Министерство

внутренних дел в своем официальном отчете о ходе крестьянской реформы в первые два года после ее создания отмечает, что в первый год по обнародовании Положения 19 февраля 1861 г. местные начальства усматривали признаки беспорядков и волнений в таких недоразумениях среди крестьян, которые год спустя были признаваемы уже совершенно лишенными оттенка бунтарства и оппозиции правительственной власти [12]).

В пределах Новороссийского края мы можем для иллюстрации отметить непопавший в официальную переписку генерал-губернаторского управления подобный факт, подробно описанный производившим следствие по этому делу Ф. Я. Лучинским [13]). Этот факт имел место в имении херсонского предводителя дворянства Е. А. Касинова в местечке Федорки. Дело заключалось в следующем: рассыльный, развозивший «Положение 19 февраля 1861 г.», при проезде через имение Федорки сказал работавшим в поле крестьянам, что везет им «волю», известную им раньше лишь из Манифеста. По окончании работ крестьяне пошли в сельскую контору, где управляющий после некоторого смущения и вместе с тем негодования по случаю их появления вынес им два пакета с Положением — на имя помещика и на имя крестьян, предложив им выбрать самим во избежание обвинений в сокрытии или обмане. Грамотный крестьянин разобрал надписи и взял адресованный крепостным пакет. В доме одного из крестьян собрались они и названный крестьянин приступил к чтению, во время которого часть крестьян удалилась, иные уснули, а бодрствовавшие обратили свое внимание на вопрос об издельной повинности, отбывае-

мой за полученные наделы, в виду неясности — надлежит ли отрабатывать наделы и за неработников. Не найдя самостоятельного выхода из затруднения, крестьяне на другое утро отрядили трех человек к «пану» за об'яснением непонятого ими, но были встречены бранью, угрозами и приказанием отправиться на работу, что ими и было исполнено. Между тем, управляющий в вечернем собрании крестьян для чтения Положения усмотрел опасный признак начинающегося бунта и, поставив стражу вокруг своего дома, вытребовал из уездного города исправника для усмирения волнения. Исправник с 300-ми военными поселенцами прибыл в имение на другой же день и произвел экзекуцию всем, назначив каждому по 50-ти ударов розгами, для семерых же «зачинщиков» признал необходимым арест и предание суду, считая таковыми читавшего Положение, сомневавшихся в вопросе о наделе, владельца избы, где было чтение, сторожа в саду за разговоры о том, что бабы не будут более работать, и т. д. Исход всего дела, оказавшийся весьма благоприятным для крестьян в виду отрицания Лучинским элементов восстания в действиях крестьян, нас в данном случае не интересует. Важно то, что сгоряча было создано крупное дело о бунте крестьян с физическим воздействием на них, при чем основанием для всего этого было — совершенно естественное и неизбежное в таком случае оживление в среде крестьян и законные попытки общими усилиями добиться понимания актов 19 февраля.

Другой подобный же пример отмечен в официальной переписке и имел место в селе Тузлы, Одес-

ского уезда, в имении кн. Барятинского. Посланный генерал-губернатором для исследования причин волнения капитан Полнер выяснил, что в сущности никакого волнения там не было. Дело заключалось в том, что главноуправляющий владельца села вольноотпущенный Дижкин, прочитав крестьянам Манифест 19 февраля 1861 года, предложил им отправиться на заработки с уплатой оброка в размере 25 рублей в год с каждого. Через некоторое время Манифест был обнародован в церкви, после чего Дижкин накинул на ранее назначенную цифру оброка еще 10 рублей, якобы за оброк крестьянских жен. Крестьяне на все эти заявления управляющего согласились, но с его стороны встретили требование отработать три дня барщины за пропущенное время, потраченное на совещания с ними по его вызову в соседнем селе. Такое требование было встречено весьма отрицательно в среде крестьян, настаивавших на установлении лишь однообразного отбывания повинности или в виде барщины или в виде оброка. Увидев в таком отношении крестьян начало неповиновения, Дижкин донес уездному предводителю дворянства, который, вызвав нескольких крестьян, осыпал их жестокой бранью и угрозами и вызвал из соседнего села Анатольевки роту солдат, которая причинила весьма значительный вред крестьянскому хозяйству в смысле истребления большей части птицы, дворового скота и другого продовольствия. Такое наказание, по заключению капитана Полнера, явилось совершенно несоответствующим действиям крестьян, в которых ничего преступного не было, напротив — Дижкин своими самовольными и неосновательными дей-

ствиями и жестоким управлением вызвал весь этот конфликт [14]). Если бы мы были осведомлены обо всех случаях «волнений» не только с официальной стороны по переписке администрации, но и по рассказам сторонних наблюдателей, не заинтересованных в известном толковании всего происходящего, то, может быть, и иные случаи «беспорядков» пришлось бы свести к чисто мирным, но совершенно необычным и непривычным в помещичьих имениях действиям и мыслям крепостных, в которых подготовленная к крестьянским бунтам и восстаниям болезненная фантазия администрации могла узреть начало и признаки пугачевщины, считая момент освобождения — «минутой страшной» [15]). Фактов подобного раздувания и преувеличения мы встретим еще не мало в последующем изложении, когда познакомимся со всеми стадиями отношений администрации с волновавшимися по своем освобождении крестьянами.

4. По официальным сведениям и донесениям формы крестьянских волнений были разнообразны,—начиная от мирного нарушения заведенного ранее порядка и прекращения работ крестьян для помещиков и вплоть до столкновения с представителями сельской, уездной и губернской власти и воинскими командами.

Наиболее безобидным проявлением настроений освобождающихся крестьян было, вероятно, некоторое ослабление их усердия к работе на помещика, уклончивость, небрежность, слабая ее успешность, вызывавшие необходимость понуждения и уговоров [16]). Помещик О. Юркевич жаловался, что крестьяне его (дер. Ониловой Ананьевского уезда Херсонской губ.), несмотря на постоянные

внушения, барщину стали, после опубликования Манифеста, производить с явным пренебрежением, единственно стремясь всеми возможными способами причинить его хозяйству значительный урон; стада овец и скота были оставлены без призора, что ежедневно причиняло ущерб значительный; вместо двух возов бурьяну возят по одному на расстоянии одной версты в день, и т. п. [17]). Подобным же образом в селе Обиточном (Денисовка тож) гр. Толстого в Бердянском уезде Таврической губернии крестьяне в период от 11 по 19 июня 1861 г. выходили на работы в крайне незначительном числе — и из 701 души муж. и 660 женщ. на работе было только 13 м. и 6 ж., в конце того же месяца вышло только 6, из 238 по наряду явилось только 3 кр. и т. п. [18]). Об'явив своим девизом право работать по желанию, кто сколько хочет, крестьяне мест. Любомирки с селениями к нему приписанными настолько лениво работали, что молотилка, оканчивавшая ранее в день до 60 копен, давала лишь 15, и за всю весну две машины вывели только $3^1/_2$ скирды, в том числе 1 овса и 1 проса. Так же небрежно велись и другие экономические работы [19]), причем крестьяне считали себя как бы в праве выбирать — выходить ли в данный срок на работу или не выходить [20]) и работать «стильки, скильки здужаем» [21]).

Относясь так свободно к своим повинностям и обязанностям по отношению к помещикам, предоставляя себе, таким образом, выбор в порядке и степени их выполнения, крепостные крестьяне и в порядке своего управления порою стремились ослабить прежние связи и установить свои правила и их исполнителей, при чем в

этом случае местные обстоятельства подсказывали ту или другую меру, то или другое действие крестьян. Так, в иных случаях крепостные крестьяне обнаруживали явное неповиновение местной сельской власти [22]) или же решительно и даже насильственно устраняли неугодных им представителей местных сельских и деревенских властей, как, напр., в с. Елисаветке кн. Барятинского (Новомосков. у., Екатеринославской губ.), где суровый и жестокий сельский староста Деркач был подвергнут побоям, арестован, вещи его опечатаны, что вместе вызвало смерть его ребенка от испуга [23]). Отстранив таким образом Деркача, крестьяне этого села с прилегавшими деревнями поручили все дела и передали сундуки с деньгами для оплаты податей и бумагами вновь избранному ими старшине, назначив одновременно с ним своих сотских, выборных и сборщиков, вопреки протестам управляющего имением кн. Барятинского [24]). Подобным же образом в местечке Любомирке, Бобринецкого у. Херсонской губ. крестьяне назначили сами старосту, завели самосуд, стали перевершать дела, решенные управляющим, распоряжались усадьбами и наказывали крестьян по произволу [25]). Подобное же отношение к прежней сельской администрации отмечается и в нескольких деревнях Славяносербского уезда Екатеринославской губернии, где, по рассказу мирового посредника Ф. Булацеля, крестьяне составили было себе понятие о свободе самое пагубное, так что в некоторых имениях крестьяне вообразили, что они могут безнаказанно делать все, что захотят,—на этом основании до открытия еще сельских обществ начали требовать смены сотских, при-

казчиков и др. должностных лиц [26]). Считая себя свободными в отношении управления, крестьяне местами совершенно самостоятельно и «самовольно» уходили из своих селений для своих надобностей, как, напр., в им. Хрущевой Насыпкой [27]).

Что касается экономических отношений крестьян к помещикам, то таковые рисовались им или в форме полного отсутствия каких-либо повинностей натуральных или денежных в пользу помещика или же в форме несколько регламентированных работ и платежей. Что касается последнего способа изменения отношений крестьян и владельцев, то в основание его клались различные нормы. Так, в деревне Гросуловке Тирасп. у. Херсонской губ. (пом. Гросул-Толстых) крестьяне переносили на начальный момент освобождения те нормы, которые были установлены для периода после двухлетнего переходного времени и после введения уставных грамот, а именно: немедленный переход на оброк или установление барщины в размере 40 дней для работников и 30 для работниц в год или же по одному дню в неделю [28]). В других местах крестьяне относились отрицательно ко всякой регламентации их работы, отвергая всякие «уроки» и урочные работы и допуская барщину по усмотрению,—в отношении как времени, затрачиваемого на барщинную работу, так и количества и качества самой работы и ее результатов (коп, скирд, снопов и т. п.) [29]).

Но наиболее часты случаи, когда крестьяне решительно считали необходимым прекратить всякие работы на владельцев-помещиков, причем в одном случае

нам известны мотивы такого отказа, весьма категорического и «ожесточенного», как выражается официальный рапорт: вся земля, которою крестьяне пользуются, давно уже отработана, почему продолжение барщинных работ является совершенно недопустимым для крепостных крестьян села Ташино (Мих. Кириакова) Одесского у. Херсонской губернии, которые единогласно об'явили, что «благодарят Бога и Царя за волю, но никак работы барщины исполнять не будут» [30]). Чем бы в отдельных случаях ни мотировались упорные отказы крестьян от барщины, во всяком случае именно в них заключались в большинстве случаев первые проявления «волнений», порой не осложнявшиеся другими действиями и выступлениями крестьян, порою являвшиеся лишь началом широких «беспорядков» и нарушений тех норм и порядков, которые должны были быть установлены по «Положению 19 февраля 1861 г.». Не приводя здесь примеров таких отказов, ибо для этого надлежало бы привести едва ли не весь список волнений в Новороссии, отмечу, что в отношении оброка было меньше единообразия и единодушия. Рядом с решительным отказом от оброка [31]) мы встречаем просьбы о замене барщины оброком [32]).

В изложенном выше и заключаются те действия крестьян, которые признавались и определялись в официальной переписке как «волнение». Прекращение или небрежность и произвольность работ на помещиков, нарушение субординации местной власти помещика и его уполномоченных или доверенных приказчиков и др.— в этом и заключалась в сущности основа всех кресть-

янских волнений и брожений. Такие проступки крепостных отягощались еще агитацией и взаимной поддержкой целых селений, что имело место постоянно и создавало целые цепи селений, охваченных брожением. Мы знаем, например, «грамоту», посланную крестьянами местечка Новопетровка (Завадовка тож) Ананьевского уезда Херсонской губ. в соседнее имение пом. Чижевича *), или такие факты взаимного «заражения», как волнения в имениях Толстого и Бутурлина в Мелитопольском у. Таврической губ. [33]) и др. [34]).

5. Хронологически позднее, через год после обнародования Манифеста, в связи с необходимостью для крестьян к февралю-марту 1863 года окончательно фиксировать свое экономическое и правовое положение путем составления уставных грамот,—начались в весьма многих местах, иногда повторно сравнительно с 1861 г., чаще самостоятельно, крестьянские брожения. В этот период 1862—63 г.г. сущность этих волнений сводилась к спорам относительно текста уставной грамоты и возможности и необходимости того или иного ее содержания или самого ее существования. Непреодолимая—

*) Приводим ее с сохранением орфографии: «Марта 19 получено указ Священьником вътоже время було кумовя кристили дитя имя двок Галаматъ и Марая поздравивъ волею священьникъ истаросту послалъ за соцким и поздравивъ волею соцкому объявивъ людямъ въсѣмъ. что всѣ волны втоже время пошел человекъ до священника по своих дѣлахъ и того человѣка тоже волею проздравлялъ священикъ на второй день опять ишли люди 20 человекъ услихали волю шли Богу молитися и опять того человека, котораго нарожденникъ священникъ благословивъ и говоривъ буде память въ который день родился вътотъ день воля пришла до священьника и мы нато остановилися». АГГ, 1861, секр. 10, л. 29—30.

вопреки авторитетным раз'яснениям самого царя[35])—вера крестьян в какую-то новую волю, в какой-то «случный час» и в отнятие царем земли от панов с отдачей крестьянам без платежа и «отбутка» [36]) связывалась с твердостью отказа от уставной грамоты, как обеспечение права на царскую милость [37]). Рядом с подобным упорным отказом от уставных грамот вообще, независимо от условий, вплоть до уничтожения приговоров о них, избиения их сторонников и других действий [38]), мы встречаем много фактов, когда отказ от принятия грамоты мотивируется определенным неудобством условий и неприемлемостью их для крестьян. Крепостные крестьяне особенно решительно выражают недовольство по поводу установления издельной повинности за наделы после освобождения, отказываясь от признания и принятия грамот с подобным условием [39]). Вместе с тем крестьяне отказываются порой определенно и от уплаты оброка, настаивая на полном прекращении отношений с помещиками [40]) вплоть даже до полного отказа от надела земли [41]) —«так как Государь Император пожалует им какую-то новую землю», или же до согласия ограничиться получением усадеб без полевого надела или принятием дарового надела в размере $^1/_4$ нормального (по § 123 местного положения) [42]). Основанием для такого отказа отмечается иногда крайнее неудобство предлагаемого помещиком надела (—окружен землей помещика, чересполосица с неизбежными потравами [43]), неприурочен к селениям и с истощенной землей [44]) и т. д.).

Что касается повинностей, то отказ от них в

форме издельной или оброка сплошь и рядом об'ясняется крайней их тягостью или несостоятельностью крестьян [45]). При издельной повинности, говорят крестьяне одного из сел Херсонской губ., им стало хуже, чем было при барщине. Тогда они имели больше льгот, 50-летние не работали, за калек, стариков и др. работы не полагалось, доступно было для пахоты неограниченное количество земли, — некоторые семьи пахали до 30 дес. при двух днях барщины, причем подати правительству уплачивал помещик, теперь же все это изменилось, причем на помещика приходится работать 3·4 дня в неделю вследствие малого числа рабочих рук соразмерно с числом наделов (на детей, калек и др.), оброк же приходится платить едва ли не вдвое, чем по вольной аренде, — с надела в $3^1/_2$ дес. — 9 руб., тогда как десятина аренды — $1^1/_2$ рубля [46]). Из 111 ревизских душ только 48 работников, говорят крестьяне другого села той же губернии, и выполнить 4440 рабочих дней в летнее время за все число наделов им совершенно невозможно (на каждого придется свыше 3 месяцев непрерывной работы) [47]).

Помимо таких причин имело немаловажное значение и то обстоятельство, что помещики часто пытались провести уставные грамоты без предварительного согласия крестьян, которое не могло быть дано при включении в текст документа противного их интересам и видам положения или требования. Попытка реализовать подобный односторонний акт бывала сплошь да рядом искрой для взрыва негодования и «волнения» [48]).

Таким образом, как самые акты 19 февр. 1861 г. при непосредственном ознакомлении крестьян с ними, так и первые шаги по выполнению основных постановлений их вызывали в крепостной массе глубокое брожение и производили длинную цепь взаимных недоразумений, споров, столкновений.

II.

6. Изложенные выше факты предполагают известное понимание или истолкование норм закона, определяющего новые отношения между крестьянами и помещиками после реформы, т. е. Положения 19 февраля.

Необходимо прежде всего для об'яснения психологии крестьянства иметь в виду то обстоятельство, что повсеместно Манифест 19 февраля 1861 г. был известен значительно раньше «Положений 19 февраля 1861 г.», которые были получены населением в самое различное время. Это обстоятельство имело разнообразные последствия, как внешнего характера, так и внутреннего, весьма серьезного значения, что осознано было населением весьма скоро: «общая жалоба, писал из Ростова один из чиновников П. Колунов 31 марта, на то, что правила освобождения крестьян и дворовых людей не были высланы прежде чем Манифест [49]).

Прежде всего разновременность получения «Положений 19 февраля» различными селениями могла иметь своим следствием неодновременное применение основных мер крестьянской реформы, что могло создать колебания и волнения среди соседних крестьян, неодинаково пользующихся новыми правилами и законами. На эту воз-

можность обратил внимание один из об'езжавших по поручению правительства Таврическую губ. чиновников Турчанинов, который в своем отчете подчеркнул, что в посещенных им селениях по 30 марта 1861 г. никаких облегчений в работе крестьян не установлено, сохраняется прежняя 3-х дневная барщина и для мужчин и для женщин, и «ни одно из состоявшихся 19 февраля законоположений не об'явлены до сих пор и остаются неизвестными не только крестьянам, но и помещикам и их управителям», — исключая лишь одного уездного предводителя дворянства Куликовского, которому единственно известны «Положения», об'явленные им и крестьянам. «Если крестьяне Куликовского, начав пользоваться дарованными облегчениями в работах (чего наиболее все они ожидают), сообщат, как вполне справедливо предполагает Турчанинов, о том крестьянам соседних помещиков, или эти последние, узнав другими путями, что права и облегчения им дарованные не об'явлены, а как бы скрыты, потребуют и для себя тех же облегчений, о которых осведомятся, помещики же и их управители по неведению будут удерживать право повиновения крестьян прежнему порядку и размеру работ, — то должно будет опасаться немаловажных беспорядков» [30]).

Важнее однако по последствиям было раздельное получение в селениях Манифеста и Положений. Необходимо учесть то обстоятельство, что Манифест своими общими определениями и указаниями давал возможность различно их толковать и конкретизировать, особенно если принять во внимание оценку языка Манифеста,

данную ему, например, Ив. С. Аксаковым – «манифест написан уродливо, на каком то татарском языке» или М. П. По одиным — «Манифест написан Филаретом пренелепо» [51]), или И. С Тургеневым — «Манифест явным образом написан по французски и переведен на неуклюжий русский язык каким нибудь немцем» [52]). Не имея под руками полного текста «Положений», крестьяне и толковавшие им Манифест лица могли без особенного труда создать себе такое представление об об'явленной «свободе», которая не совпадала с подлинным смыслом «Манифеста», раскрываемым и детализируемым в «Положениях». Если же принять во внимание запутанность изложения «Положений», порой противоречивых в отдельных частях и не всегда примиримых с Манифестом*), то легко понять тот длинный

---

*) См. слова кн. Н. Б. Голицына о Полоҗении. «которого не только неграмотные, но и наш брат грамотный не вполне понимает». *Барсуков*. Жизнь и труды Погодина, часть XVIII, стр. 301. Далее—«и потомки наши, когда прочтут Манифест и Положение, не мало удивятся вопиющим противоречиям, которые выглядывают при сличении сих двух документов». Ibid., 104 Ср. отзыв представителя совершенно другого мировоззрения Н. Огарева: – «Устав—при этом слове невольно подумаешь.—какие бы ни были убеждения, что правительство провело в нем какое-нибудь одно направление, ряд последовательных оснований, словом, что устав имеет какое-нибудь единство. Прочтешь—и придешь к иному заключению» и т. д. «Колокол», лист 104, стр. 845. Ср. еще отзыв И. П. Липранди—Полное собрание сочинений Герцена под ред. М. Лемке, т. XI, Пб. 1919, стр. 203-4. См. отзыв «таинственного узника»—Мих. Бейдемана: «появился Манифест и Положение, которые своею двухсмысленностью взволновали крестьян»; Положения—«наполненные вопиющими нелепостями и преднамеренными противоречиями». *П. Щеголев*, Таинственный узник. Былое, 1919, № 14, стр. 160–1, стр. 175 (есть и отдельный оттиск). Тоже – в Полн. собр. сочинений Герцена, ред. Лемке, т. XI, Пб., 1919, стр. 434, 445.

ряд случаев «превратного» толкования актов 19 февраля 1861 г., от которых обычно начинались, по толкованию местной администрации, крестьянские волнения.

Неодновременность получения Манифеста и «Положений» могла иметь еще иные следствия. В некоторых селениях в позднее Манифеста полученных «Положениях» крестьяне видели другую волю [53]), а не часть одного акта освобождения, почему возникла местами надежда получить и третью—подлинную волю [54]). Местами же «Положение» было встречено совершенно отрицательно и крестьяне решительно отказывались от выполнения правил «Положений», принимая во внимание лишь Манифест 19 февраля. Подобное толкование этих актов имело место в Славяносербском уезде Екатеринославской губ. во время крупных волнений, центром которых была деревня Малоивановка. «Крестьяне этого района верят одному высочайшему Манифесту 19 февраля и из него одному только тому пункту, где говорится, что в течение двух лет они должны оставаться в повиновении помещикам, а там царь обещал новые порядки, которых они ждут с нетерпением»; «Положения» же 19 февраля считаются не царским делом, а сочинением панов», принятие которого есть отказ от ожиданий новой подлинной воли, которая, повидимому, может быть дана лишь стойким в своем отказе от признания «Положений» настоящей царской волей [55]).

Этих примеров достаточно для того, чтобы представить себе, какую путаницу в сознании крестьян могли вызвать два важнейших акта крестьянской ре-

формы лишь одним внешним отделением одного от другого и существенной разницей в содержании вследствие сжатости и общности одного и сугубой конкретности и определенности другого, несходившегося при этом с основными чаяниями и надеждами крепостного крестьянства. Одновременное получение обоих вместе могло бы прочнее их связать в одно целое в сознании населения и сразу обнаружить ему конкретное содержание общих формул Манифеста, не давая почвы для разочарования через несколько недель после принятия Манифеста [56]). Обратный порядок — сначала «Положения», потом Манифест — с этой точки зрения казался менее опасным и соблазнительным [57]).

К этим данным необходимо прибавить еще то обстоятельство, что для основной массы украинского населения деревень Новороссии были весьма мало вразумительны обозначения и обороты русской речи в актах 19-го февраля. Необходимость их приближения к языку местного южно-русского населения была совершенно ясна самому правительству. Как известно, оно первоначально очень охотно пошло на встречу начинанию П. Кулиша, предпринявшего работу по полному переводу на украинский язык Манифеста и Положения; позднее, однако, особые требования правительства к этому делу принудили Кулиша прервать работу [58]). Не вышел в свет, повидимому, и перевод Божовского, о печатании которого в Екатеринославе упомянуто в одном из номеров «Северной пчелы» [59]). На местах отсутствие подобных изданий чувствовалось весьма сильно. Необходимо, писал один из чиновников, «составить приличное случаю слово

в выражениях ближайших народному наречию», дабы его могли произносить в церквах священники [60]). Кажется, из всех подобных замыслов был осуществлен один,—по распоряжению Екатеринославского губернатора напечатано по украински изложение прав и обязанностей крестьян в их новом положении [61]).

Недостаток подобных украинских изданий восполнялся в важных случаях посылкой на место событий лиц, говорящих «на простонародном языке», по украински, каковую миссию выполнял названный Божовский в с. Малоивановке и пристав г. Херсона Костелли в деревне Унтиловке Тираспольского уезда [62]).

7. Обращаясь к содержанию актов 19-го февраля 1861 г. и к его толкованию крепостным крестьянством Новороссии, необходимо иметь в виду совершенно неизбежное обращение крестьян к сторонним читателям и толкователям. Для чтения и об'яснения этих актов недостаточно было знаний и авторитета единичных в массе крестьянства грамотеев, умевших порой с трудом прочитать несколько строк или даже может быть подлинный Манифест и естественно пассовавших перед фолиантом «Положений». Для этого необходимы были люди, несколько более умудренные знанием и грамотностью, и прежде всего такими были представители сельского духовенства, жившие бок о бок с крестьянами и порой единственные представители «науки и знания» в целой округе. К ним крестьяне обычно в первую голову и обращались за прочтением актов 19-го февраля и истолкованием «воли», впервые возвещенной им с церковного амвона при чтении Манифеста.

Высшая церковная власть в лице обер-прокурора Св. Синода нарочитым циркуляром от 17-го февраля 1861 г. предупреждала епархиальных архиереев о выпадающей на долю сельского духовенства роли в деле истолкования «свободы» крепостным в смысле принятия «полного и всецелого содействия к тому, чтобы эта благая мысль, при введении в исполнение, не была превратно понята и истолкована». Однако, далее общих указаний и наставлений местная епархиальная власть в Новороссийских губерниях, повидимому, не пошла, оставив духовенству на местах полную свободу выбора способов и средств для помощи делу «реформы [63]). В этом случае, кажется, не было ошибочным и излишне недоверчивым к духовенству указание одного из чиновников, об'езжавшего Новороссийские губернии по поручению ген.-губ. гр. Строгонова, что следовало бы заранее составить для руководства священников сводку из основных положений новых узаконений о крестьянстве, для избежания сбивчивости и разнообразия в их толковании и разборе [64]). Если в огромном большинстве сельское духовенство оказалось на высоте доверия власти к нему, то в значительном числе случаев все же оно оказалось обвиненным, а часто и виновным в «превратном толковании» Положений.

Для выяснения действительной роли духовенства в подобных случаях «превратного» понимания крестьянами своих прав и обязанностей мы, к счастью, обладаем подчас двухсторонним материалом: с одной стороны мы имеем решительные, категорические обвинения того или иного священника, а иногда и в общей форме [65]), в

подобных «превратных» толкованиях, — с другой же имеем весь следственный материал о некоторых из них (только по Херсонской епархии), что вместе дает возможность более или менее отчетливо выяснить всю обстановку определенного факта и степень виновности обвиняемого священника или другого члена причта.

Вина духовенства чаще всего, по указаниям обвинителей, выражалась в неосторожном заявлении о получении совершенной свободы крестьян и прекращении требования от них работ на помещика. Так, напр., в м. Новопетровке (Херсонской губ. Ананьевского уезда) свящ. В. Романовский по получении Манифеста стал еще до прочтения его в церкви — частно, на крестинах и при других случаях об'являть крестьянам о полученной ими совершенной свободе и праве отказаться от всяких работ владельцу; требование соседнего помещика о прекращении подобных толкований и о прочтении Манифеста в церкви подействовало на священника, но зато заставило крестьян — в виду противоречия с раз'яснениями священника — недоверчиво отнестись к читаемому в церкви и уклониться от выполнения подтвержденных в Манифесте экономических работ [66]). Подобное же заявление было будто бы сделано и священником Полянским в с. Варваровке (Херс. губ. Александр. у.), раз'яснившим после чтения Манифеста, что женщины совершенно освобождены от работ на владельцев, — правда Полянский решительно оправдывался, называя подобное обвинение его бесчестным [67]). В м. Ульяновке (Херс. губ.) свящ. В. Дионисьев, едва-ли не в пьяном виде, что с ним часто бывало, выйдя из алтаря, сделал, повидимому

без всякой задней мысли, неожиданную «прокламацию» крестьянам: «Знают ли они, какая вышла воля?», пояснив далее—«так знайте же, что мужчины должны работать по 2 дня в неделю, а женщины по 1» [68]).

В с Ивановке (Бобринецкого у. Херс. губ.) свящ. Ф. Жадановский обвинялся в том, что возбуждал крестьян к неповиновению и участвовал в собрании крестьян у помещичьего дома, где заявил владельцу, что он более не господин и что деревня отныне принадлежит крестьянам—людям вольным,— обвинение, которое не показалось обоснованным и убедительным уездному предводителю дворянства и духовной консистории [69]). Неосновательным оказалось после следствия и обвинение свящ. с. Гидерим (Ананьевского у. Херс. г.) в том, что он, уклоняясь от толкования Манифеста открыто, в церкви, крестьянам однако вне храма раз'яснял, что они свободны, ничем не обязаны владельцам и по просьбе их могут отбывать однодневную барщину или же когда нибудь составить толоку [70]). Может быть, более обоснованными были обвинения двух священников Одесского уезда — мест. Раснополь Т. Молчановского и с. Ташино Ракулова. Первого обвиняли в том, что он об'явил о новой и совершенной свободе крестьян от работ на помещика, которые они могут выполнять лишь по желанию, а не по обязанности, причем он будто бы подстрекал крестьян к нарушению ими порядка и прекращению работы, которую они продолжали выполнять,— ссылаясь на полученный им текст Манифеста—лучший, нежели полученный в экономии [71]). Что касается свящ. Ракулова, то он обвинялся в том, что после прочтения Манифеста,

возле церкви, после молебна по заказу уже волновавшихся крестьян, он подтвердил толкование ими их прав в смысле освобождения от работ сейчас, а не через два года и предложил им «держаться твердо и их желания исполнятся, ибо эти слова (т. е. отказ от работ) по всей окрестности твердят крестьяне»; такое толкование священника вызвало восторг среди крепостных, которые подарили Ракулову 4 р. 20 к. серебром и до 10 мер пшеницы и выполнили для него с большим старанием «толоку» для посева хлеба [72]). Остановимся еще на трех случаях, когда священники были обвиняемы в превратном толковании и подстрекательстве. Так, свящ. казенной деревни Шибка того же Одесского уезда С. Завтуров обвинялся в том, что он на вопрос крестьян о предстоящей им двухлетней работе ответил,—«хотя это и справедливо, но назначенные два года уже прошли»,—обвинение, на следствии совершенно не подтвердившееся [73]). Не подтвердилось и обвинение свящ. с. Осиповки И. Камиского в подстрекательстве крестьян к неповиновению и отказу от работ [74]).

Последний факт подобного же рода передадим со значительною подробностью в виду большого интереса деталей, хотя в нем и не идет непосредственно речи о толковании Положения, но по существу дело сводится к тому же, ибо священник обвинялся в «сочувствии» превратным мыслям крестьян и в их поддержке. Дело касается волнения в м. Любомирке (Бобринецкого у. Херсонской губ.). Предводитель уездного дворянства донес генерал-губернатору Строгонову, что священник этого местечка Е. Туровский—человек очень ограниченный и

простой, преданный страсти к вину и т. п., имеет весьма вредное влияние на ход усмирения волнения. Когда вызваны были понятые для ареста зачинщиков беспорядков священник служил молебен с водоосвящением, в чем видно было приготовление крестьян к чему-то; после прибытия в местечко войск священник вновь служил молебен с окроплением святой водой, причем в толпе крестьян замечен был красный значек, сверх того священник укрывал в своем доме главного руководителя волнениями Скляренко [75]). Следствие, произведенное в Херсонской Духовной Консистории с участием, конечно, представителя гражданского ведомства, после допроса свыше 50 крестьян и других свидетелей, отвергло эти обвинения. Выяснилось, что молебны были в тревожные дни служены — 1) на освящение скота по случаю падежа, 2) по случаю царского дня, а царский молебен, указывал в своих об'яснениях Туровский, служен не по просьбе крестьян, а по табели, что должно бы исключить подозрение и тревогу властей, 3) по просьбе некоторых женщин в благодарность за освобождение малых их детей от панщины. Свидетели выяснили, что Туровский отказался читать Манифест и Положения, никакой агитации не вел, на все вопросы о «свободе» отвечал предложением ждать раз'яснений от властей и т. п. Пребывание у него Скляренко вымышленно. Появление в Любомирке «красного значка» об'ясняется весьма просто — из соседней деревни Игнатьевки возвращали хоругви красного цвета, причем принесли их шедшие на сход в Любомирку. Молитва в деревне перед экзекуцией есть дело каждого отдельно, заявил Туровский, причем кре-

стьяне воспользовались шедшей в то время службой для молитвы перед строгой расправой. В своих об'яснениях Туровский подчеркивал, что обвинения, выставленные уездным предводителем дворянства Рощаковским, и странны и удивительны, «понеже и сие яко прост есмь поставлено мне в вину». Обвинение в поощрении молитвой крестьян к неповиновению он считает «сущей ложью, так как я, 47 лет служа при церкви и в том числе 32 года в звании священнослужителя, никогда не замечал, чтобы какие-нибудь Богослужебные обряды укрепляли и поощряли крестьян к неповиновению, и я именно утверждаю сие, понеже богослужения совершаются во имя Господа нашего Іисуса Христа и Пречистой Его Матери и Св. угодников Божьих и для прославления имени их». Предводитель указывал, что священник служил молебен «толпе», имея право только одному или нескольким, на что Туровский ответил, что молился Богу за всех, а не за одного только или нескольких крестьян. Все эти данные привели Консисторию к оправданию Туровского. «Священник, сказано в постановлении ее, не благословлял крестьян на неповиновение, да и нет, как справедливо из'ясняется он, в церкви таких молитв, чтобы ими можно было бы испрашивать благословение Божие на дело противузаконное, в том же, что крестьяне, в страхе ожидавшего их наказания, молились в церкви со слезами, не усматривается никакой вины ни со стороны священника, служившего по просьбе некоторых прихожан молебен Божией Матери, ни со стороны прихожан» [76]).

Приведенные примеры[77]) могут служить прекрасной

иллюстрацией того, как, во первых, болезненно и чувствительно воспринимались местной администрацией и помещиками все слухи о превратном толковании актов 19 февраля и как легко порой вокруг подобного слуха создавалось сложное дело о подстрекательстве и пособничестве крестьянам, а с другой стороны,—ясно показывают, что крестьянские «волнения» в целом и в отдельных эпизодах весьма часто были плодом недоразумений, преувеличений, вызываемых настороженностью и болезненной воспримчивостью дворянства и представителей власти ко всем движениям и настроениям в среде крепостного крестьянства. Часто весьма близкое к последнему по условиям жизни и быту сельское духовенство, чуждое психологии помещиков-дворян, в этом случае часто, и нередко ошибочно, представлялось союзником крестьян и соучастником тех их действий, в которых виделось проявление «волнений» и бунта против законных властей, и прежде всего против их владельца — помещика.

8. Священник был первой и естественной инстанцией в деле толкования актов 19 февраля 1861 г. Однако, с одной стороны, вследствие уклонения от подобного толкования многих из них, не желающих принимать участия в чреватом многими разнообразными последствиями деле (вспомним при этом запрещение Киевской Духовной Консистории произносить проповеди при об'явлении Манифеста)[78]), с другой—вследствие некоторого недоверия к «попу» и чиновнику, и вместе с тем вследствие желания крестьянства с возможной обстоятельностью и полнотой понять акты 19 февраля 1861 г.,

—крепостные крестьяне иной раз обращались к частным лицам, внушавшим им некоторое доверие и имевшим для них какой-то авторитет, с просьбой помочь им в этом трудном деле. В некоторых случаях это были отставные чиновники. Так, крестьяне имений гр. Толстой в Бердянском уезде (Обиточное и др.) для чтения «Положений» договорили проходившего через село отставного губернского секретаря Я. М. Петрашева, вскоре жестоко ими, правда, избитого, как неоправдавшего их надежды, не прочитавшего «о вольности» и весьма огорчившего их статьями о выкупе усадеб и полевой земли [79]). В роли официального поверенного крестьян с. Дудчано (Старицкого) Херсонской губ. выступал избранный сельским обществом губ. секр. Дионисий Лотензович, входивший с разными предложениями к мировому посреднику и др. и раз'яснявший крестьянам законоположения 19 февраля .Таковая деятельность его была опротестована со стороны правомерности мировым посредником и высшими инстанциями края [80]). В других случаях толкователями были лица других состояний, напр. мещане, как в с. Пустополе (Бобр. у. Херс. губ.), где мещанин Гроповский за плату толковал Положения [81]), дер. Осокоровка и др., где крестьянам писал жалобы и письма «подстрекатель» мещ. Ив. Аввакумов [82]) и др.[83]).

Само собою разумеется, что чаще всего в роли названных истолкователей актов 19 февраля и руководителей крепостных в деле осмысления и осознания новых форм жизни являлись грамотеи из среды самих же крестьян. Подобные толкователи сплошь да рядом являлись и главными зачинщиками и подстрекателями волнений,

воодушевлявшими крестьян и на деле проводившими свои убеждения и понимание новых законов о крестьянах.

Нетрудно представить себе направление мыслей и способы толкований таких «толкователей», для которых каждая статья Положений имела животрепещущее жизненное значение и не могла быть предметом холодного об'ективного изучения, осложняемое, конечно, малограмотностью и неумением разобраться в фолианте Положений. Если крестьяне, писал об'езжавший Екатеринославскую губернию для изучения «настроений» майор Хотяев 2-й, вычитали выгодную для себя статью из законоположений, относящихся до губерний Великороссийских или Белорусских, то большого труда стоит доказать им, что она не относится до них, и для нашего края не имеет значения» [84]). Рисуя себе порядок истолкования Манифеста в деревне силами крестьян, Хотяев 2-й писал: «вероятно это будет или малограмотный из их же среды или—что еще хуже—какой нибудь выгнанный из службы писец, первый, может быть, без особого дурного умысла, а второй напротив, именно с умыслом, но оба из-за стакана вина могут толковать им превратно или даже выпускать такие статьи, каких и не существует, но они для крестьян выгодны» [85]). Возможность последнего он подтверждает в другом месте своей записки фактом, когда государственные крестьяне распускали слух, что в церквах их селений читали Манифест не того содержания, как в помещичьих имениях, — с указанием, что на пана работать только понедельник, а прочие дни на себя [86]).

В словах Хотяева есть некоторая доля правды,

как можно видеть по ряду примеров. Оставляя в стороне известные нам лишь по общей ссылке случаи подобного рода [87]), оговорим несколько фактов более любопытных и серьезных. В ряде селений Бахмутск. у. Екатеринославской губ. (дер. Новоселка и др.) крестьяне обратились за помощью к их же «односельцу» писарю Новоселовской экономии пом. Филимоновой Сергею Харьковскому (он же называется и Харьковцем); полуграмотный «Серега» не мог, по заключению местных представителей администрации, выполнить просьбу крестьян с добросовестностью и старался уяснить и себе и прочим крестьянам новое положение в обширном смысле слова «свобода», что привлекло к Харьковцу многих крестьян и из соседних деревень, подстрекаемых «эмиссарами» Новоселки, поддерживавшими упорство крестьян в их отказе от барщины и повиновения [88]). В ряде деревень Ананьевского у. Херс. губ. (Мариновка, Заблоцкое и др.) «превратное толкование» Положений 19-го февраля было дано волостным старшиной Головлевской волости Тим. Горбатюком (Гербанюк). Он об'езжал деревни своей волости и давал населению «злоумышленно» такое толкование «Положений», которое расстроило совершенно работу крестьян помещикам и внесло в их среду дух самоуправства и упорного неповиновения [89]). Волнениями крестьян в м. Любомирке и др. Бобринецкого у. Херс. губ. руководил «один из самых богатых и смышленных крестьян» Максим Скляренко, имевший на население исключительно большое влияние, простиравшееся до установления штрафа в 1 руб. сер. и наказания в 25 нагаек для уклонявшихся от уча-

стия в выступлениях против администрации. Для раз'яснения Положений как можно более в свою пользу крестьяне нашли «толкователя» в лице писаря военного поселения Лысой Горы М. Балана [90]).

Из всех этих и подобных случаев выдается история волнений в д. Малоивановке (Славяносербского уезда Екатеринославской губернии) по своей рельефности, яркости и чрезвычайной ценности [91]).

Отрицательное отношение помещичьих крестьян д. Малоивановки и целого ряда соседних поселений к Положению 19 февраля 1861 года и своеобразное его истолкование и понимание Манифеста явились результатом деятельности, учений и пропаганды одного из крестьян Малоивановки Пантелеймона Лугового и частью некоторых других лиц. Сами крестьяне об'яснили при беседе с ними представителя Губернского присутствия по крестьянским делам, что «верить и ждать упорно новой воли учил их по преимуществу Пантелей Луговой, но им постоянно рассказывали и то же самое внушали и разные купцы по ярмаркам, разные прохожалые люди, которым они совершенно верили, как грамотным, более же всего они об этом слышали в с. Городище (в 5 верстах от Малоивановки) во время сходок на базарах», причем из городищенских госуд. крестьян — главным образом раскольников, вообще подтверждавших учение Лугового, указывали особенно на кр. Курочкина, он же и Тарасов, как на истолкователя Манифеста и Положения. Эти различные лица создали своими беседами и об'яснениями такое отношение крестьян к этим актам: «крестьяне верят одному

Высочайшему Манифесту 19 февраля и из него одному только тому пункту, где говорится, что в течение двух лет они должны оставаться в повиновении помещикам, а там царь обещал новые порядки, которых они и ждут с нетерпением. Целование креста после прочтения Манифеста принято ими за присягу, нарушение которой будет клятвопреступлением и изменою царю. Трехдневная барщина в течение 2-х лет исполняется беспрекословно. Положения 19 февраля считаются не Царским делом, а сочинением панов, уставные грамоты — это новая кабала и еще большее закрепление панам, чем было прежде, а потому уставной грамоты они не примут никогда. Кроме Бога и Царя крестьяне никому не верят и не поверят, все чиновники держат руку панов, мировой посредник — тот же помещик и пан и правды им никто не скажет из панов. Решение крестьян не принимать уставной грамоты у них было настолько твердо, что они скорее согласятся на переселение их всех куда угодно будет Правительству, чем на принятие какой бы то ни было грамоты. Издельной грамоты они не примут, так как не вынесут, цена оброка и выкупа за землю по Положению слишком высока, и они ее не в состоянии заплатить, особенно те из хозяев, у которых в семействе много малолетков, получающих надел». Это решительное отрицание издельной грамоты, по заключению представителя губернского присутствия, явилось результатом местных особенностей жизни. Д. Малоивановка — большое поселение из 400 с лишним ревизских душ, при прежнем владельце состояло на оброке, что давало воз-

можность крестьянам жить привольно, занимать вдоволь земли, на свободе от барщины; при новом владельце введена вновь барщина, но не обременяли налогами и не стесняли землей; со смертью владольца — имение поступило в опеку и согласно Положения 19 февраля крестьянам дан указный надел, которого они не приняли, и в ожидании «новой воли» бросили пахать землю, так что к весне 1863 года в Малопивановке не проведено ни одной борозды, не запахано ни одной десятины. Ожидание «случного часа» и новой воли обратилось в религиозное учение, пророком которого стал грамотей Луговой, считающийся за человека святой жизни и первого мудреца. Открытая проповедь этого нового учения велась на пространстве большого района — в с. Городище, где Лугового поддерживали местные раскольники, в Малопивановке, где стали тайно сходиться слушать Лугового отовсюду и откуда он стал направляться по селам и везде вести свою проповедь. С сентября 1862 г. уже везде по 3 участку проявляется влияние Лугового, в д д. Комисаровке, Веселой, Ломоватке, Раевке, Адриополе, где не признали Манифеста о рекр. наборе. При невмешательстве власти в это дело—были лишь казаки переводимы в количестве одной сотни с места на место — число сообщников Лугового увеличивалось с каждым днем и образовалось в тайное общество, которое начало свои действия правильным образом, как организованная шайка: по лесам и балкам составлялись тайные собрания, собирались целые толпы крестьян, давали присягу в верности Луговому, составляли приговоры с приложением печатей сельского начальства,

которое само пристало к обществам, и заключили тем, что избрали Лугового от всей Еленовской волости ходатаем пред царем о «настоящей воле», которую скрыли от народа паны; написал прошение гос. крест. Тарасов (он же Курочкин),—на расходы по поездке было дано 300 руб. общественных денег, собранных в уплату податей. Луговой в Петербурге, по указаниям сына Курочкина, служившего в лейб-гвардейском полку, успел подать лично прошение царю в Царском селе. По возвращении домой Луговой стал опасаться преследования со стороны местных властей,—а в прошении была жалоба на притеснения посредника и истязания исправника, кот. они впоследствии отвергли и об'яснили,—почему он стал скрываться и пошел странствовать по селам не только Славяносербского, но и Бахмутского уездов, везде разнося радостную для крестьян весть, что Государь принял от него прошение лично и обещал разобрать крестьянское дело; отсюда заключили, что общие ожидания «чистой воли» и даровой земли после 19 февраля 1861 г. не напрасны, что Государя паны обманули и что на прошение Лугового непременно приедет от самого Царя особый посланный, который освободит крестьян от всяких грамот, а панов за обман накажет. Малоивановка сделалась при этом центром всех совещаний и служила примером для других [92]).

К этим фактам необходимо прибавить еще в высокой степени важное и показательное обстоятельство, именно то, что участники волнений 1861 года, понесшие за них свою долю ответственности, выступали порой и в 1862-3 гг. особенно рьяными и озлобленными ру-

ководителями новых волнений. Так, сидевший в остроге в 1861 г. кр. В. С. Бабайкин агитирует в деревне Екатериновке Мелитопольского у. Таврич. губ., «разглашая», что лучше вновь попасть в острог с семьею, чем подчиниться законоположениям 19 февраля [93]), и это отмечают наблюдатели в общей форме [94]).

Изложенные нами факты вводят нас в обстановку возникновения крестьянских волнений и выясняют роль отдельных толкователей в развитии «беспорядков» и «бунта». Если к этому мы прибавим некоторые внешние обстоятельства, благоприятствовавшие опозиционному настроению крестьян, как, например, близкое соседство с землею Войска донских казаков, бывшее главной причиной перетолкования Манифеста в Славяносербском у. Екатер. губ., по толковании мир. поср. Ф. Булацеля [95]), и частью стычки крестьян с тем или другим помещиком, «не отрешившимся еще от отживших уже требований былого времени» [96]) из-за преувеличенных и обременительных повинностей [97]), совершенно неправомерных после Манифеста 19 февраля насилий над личностью крестьян (телесное наказание) и т. п. [98]), то мы получим полный обзор тех главных общих внешних оснований и причин и непосредственных поводов, которые создали волну крестьянских волнений в 1861 году. Внутренним же основанием для них, как ярко показывают все уже приведенные выше факты, была полная неудовлетворенность актами 19 февраля 1861 г., в которых крестьяне не увидели желанного и окончательно положительного решения их судьбы в смысле предоставления им «земли и воли», земли безвозмездно в нужных размерах и «воли» от связи с по-

мещиком в юридическом и экономическом отношении. «Повинность за землю и выкуп земли — вот что в корне противоречило народному воззрению», формулировал Дм. Самарин [99]). Эта неудовлетворенность не могла быть лишь преходящим психическим состоянием крестьянской массы, ибо она возникла в связи с главнейшими и основными нуждами и потребностями крепостной массы, но вызывала известную активную реакцию, — волнения, порой в форме более или менее мирной, порой в форме бурной, упорной и сосредоточенной.

III.

9. Для изучения психологии крестьянских волнений в высокой мере важны сведения об отношении крестьян к мерам администрации для погашения и пресечения волнений. Все случаи волнений в этом отношении могут быть разделены на целый ряд групп, начиная от быстрого успеха первой же попытки увещания уездных властей и кончая применением оружия и в громадном изобилии розог. Если в первом случае позиции крестьян оказывались весьма непрочными и неустойчивыми, то в последнем, очевидно, и в сплоченности и в организованности проявлялась упорная вера в правоту своих взглядов и своего дела.

Наиболее простой и несложной формой успокоения волнений было мирное увещание со стороны того или другого представителя власти, начиная от местной полиции, представителей дворянства, вплоть до Губ. присутствия по кр. делам и присланных специально в губернии для проведения реформы флигель-ад'ютантов[100]). В таких случаях настроение крестьян было, очевидно, весьма неустойчивым и сравнительно легко поддававшимся уговорам и раз'яснениям. Сравнительно легко, ибо, как передает мир. посредн. Булацель, «много мне

нужно было употребить силы воли и характера, чтобы на первых порах являясь среди взволнованных умов не потеряться и доказывать им самым наглядным образом ложность составленных ими понятий о свободе и раз'-яснять настоящее их положение»[101]).

Подобные увещания во многих случаях, однако, сопровождались наказанием розгами на месте или задержанием силами полиции при понятых главных зачинщиков и подстрекателей с заключением их в тот или иной острог или тюрьму. На 9 случаев подобного рода приходится наказанных розгами **14** (каждому по 50 розог), арестованных до 35, частью вскоре прощенных и отпущенных[102]). Присутствие понятых при подобном увещании иной раз переходило в непосредственное физическое участие в усмирении и из'ятии наиболее опасных противников, и в этой роли эти понятые были мягкой переходной формой к применению военной вооруженной силы. Два-три примера могут быть весьма показательными в этом отношении. В д. Горожовка (Павлоградского у. Екатеринославской губ.) крестьяне чрезвычайно упорствовали в своих требованиях, вследствие чего местная администрация, потерпев неудачу в увещании и уговорах, обратилась к помощи понятых из соседних селений госуд. крестьян. Их появление привело крестьян в исступление, крестьяне стали препятствовать попытке понятых из'ять из их среды зачинщиков, браня, угрожая смертными побоями и пуская в ход «различные домашние орудия». Исправник принужден был отозвать понятых и решил вызвать войска, но крестьяне и без этой меры в конце концов примирились с положением[103]).

В с. Любомирка (Бобринецкого у. Херсонской губ.), где в 1861 г. волнение было усмирено военной силой, в 1863 г. при введении уставной грамоты пришлось прибегнуть к понятым, которые в количестве 1000 человек (!) при уклонении любомирцев от столкновения с ними путем ухода из деревни — арестовали свыше 30 человек [104]).

Значительно большая часть волнений в Новороссийском крае была «усмирена» военной силой. Обращение к ней всеми высшими органами власти признавалось средством крайним и тяжелым и допускалось принципиально лишь в случаях особой важности и сложности. Однако, на деле местная администрация не обнаруживала в этом отношении особой осторожности и сдержанности, нередко злоупотребляя этим сильно - действующим средством.

10. Местная и центральная власть предвидела заранее, «хотя и не было сейчас об'ективных указаний», как писал херсонский губернатор, необходимость военной силы при об'явлении воли, почему лагерные сборы летом 1861 г. были отменены [105]) и обдуман предварительно план или порядок вызова войск в каждом отдельном случае [106]). В виду невозможности специального для указанной цели передвижения частей войск и сосредоточения их в особо важных местах, администрация края должна была считаться с современной дислокацией войск, причем список расположения в крае воинских частей, полученный из Мин. Вн. Дел, был снабжен указаниями на районы, обслуживаемые известными частями, и на порядок их приглашения [107]). Обращение к

военной силе, как крайняя и последняя мера воздействия на упорствующих и неповинующихся крестьян, могло быть использовано только после безуспешного исчерпания всех мер убеждения, уговоров и раз'яснений и устранения главных подстрекателей и зачинщиков путем обычных полицейских средств при участии понятых. «Для вразумления крестьян, писал в августе 1861 г. один из доверенных ген.-губернатором лиц для ознакомления с настроениями, необходимо с большим снисхождением и терпеливостью растолковать им их права к помещикам и сих последних к крестьянам. Истолкователи не должны прибегать к угрозам и окружать себя военным конвоем. Крестьяне боятся солдат и воображают, что солдаты должны иметь с собою непременно розги, чтобы их наказывать» [108]).

В наиболее чистом виде указанная постепенность мер была соблюдена во время волнений в имении гр. Голстой — Комбурлеевка, Онуфриевка и Омельник (Александрийского у. Херсонской губ.) [109]). Сущность этих волнений, во многом весьма показательная, заключалась в следующем. Крестьяне отказались принять уставную грамоту, составленную помещицей без участия крестьян. Попытка мирового посредника ввести на деле эту грамоту встретила решительный протест со стороны крепостных, которые требовали взять грамоту обратно, заявляя при этом желание оставаться до двух лет на прежнем основании, «а потом, что Бог даст». Отказ мирового посредника вызвал шум и крики крестьян, заявивших нежелание знать ни уставной грамоты, ни лежащих в ее основании новых законоположений о них в виду пред-

стоящего «случного часа». Упорные в течение трех дней требования крестьян вынудили исправника на меры задержания наиболее вредных подстрекателей, из коих три были добровольно выданы поселянами дер. Омельник, задержание же других потребовало усилий понятых в количестве 140 человек. Окружив зачинщиков, крестьяне, взявшись за руки, создали непреодолимую преграду, требуя задержания всех. После продолжительной борьбы удалось отделить от толпы двух человек и ввести их во двор расправы с дощатым вокруг забором, но напор крестьян, прижавших понятых к забору, был настолько велик, что ограда была сломана и все арестованные отбиты, причем в этом участвовали и бабы, сломавшие плетневый забор и ворвавшиеся с серпами в руках. Крестьяне решительно заявили, что никаких властей не признают, кроме Белого Царя, и что пред'явленные им законоположения ложны и выдуманы дураками. Положение еще осложнилось и тем обстоятельством, что и соседние крестьяне окольных имений начали колебаться в своем настроении и вести переговоры с бунтовщиками для совместных действий, а вместе с тем крестьяне Онуфриевки и Омельника стремились присоединиться к Комбурлеевцам, что создало бы весьма значительную силу, крайне опасную по своему настроению и влиянию на все окрестности. Для выхода из положения исправник требовал воинской команды. Однако и. о. Херс. гражд. губернатора бар. Велио воздержался от прямолинейного решения и впредь до выяснения всех подробностей происшествия рекомендовал действовать соответственно особому Высочайшему

повелению [110]), подчеркивающему, что неудобно принуждать крестьян мерами наказания к исполнению тех формальностей, которые требуются только для ограждения их же интересов. Вместе с тем, основываясь на особых раз'яснениях Министерства Внутренних Дел, Велио полагал, что отказ крестьян от уставной грамоты и согласие работать на прежнем основании—3-х дневная барщина и т. п.—безусловно не подвергает крестьян неизбежному принуждению и наказанию. Если же, однако, возникли обстоятельства, требующие содействия полиции, то и в этом случае предварительно введения войск требуется исполнение установленного законом порядка, т. е. призвать понятых, если угодно кого-нибудь из почетных соседей для влияния на крестьян, удалить опасных подстрекателей в уездный город для вразумления мирового с'езда. И только при безуспешности всего этого и при насильственных действиях крестьян возможно обращение к военной силе. Эта последовательность мер, в сущности, была соблюдена исправником, почему бар Велио в конце концов и согласился на вмешательство войск (2 эскадрона Киевского гусар. полка).

Необходимо, однако, констатировать, что такая осторожность и постепенность в обращении к крайней мере усмирения волнений была не всеобщей и не повсеместной. Мы знаем, например, случай, когда губернатор (херсонский) находит необходимым приостановить сделанный у. предводителем дворянства вызов войск, как преждевременный и излишне поспешный [111]), или открыто признает (екатеринославский) в донесении Ми-

нистру Внутренних Дел, что волнения в Бахмутском уезде могли быть предотвращены без военных команд, если бы владельцы (а значит и местная администрация) действовали с большим благоразумием [112]). Расквартирование войск порой практиковалось в случаях, ничего важного и опасного не представлявших, по оценке самой же местной власти [113]). В некоторых же случаях грубые приемы администрации в отношении крестьян завершались совершенно неправильным призывом войск для успокоения раздутого «волнения» (пример — с. Тузлы, виновен главноуправляющий Дижкин, поддержанный предводителем, угрожавшим крестьянам и осыпавшим их жестокой бранью) [114]).

Итак, призыв военной силы есть последняя мера, к которой можно было прибегнуть для преломления упорства крестьян и для принуждения их исполнить веления закона и наладить дальнейшую свою жизнь и деятельность в соответствии с актами 19 февраля 1861 г. По нашим данным на все число волнений (55, см. ниже) в Новороссийском крае за период 1861—63 приходится до 30 волнений, «усмиренных» при участии — в том или ином виде — воинских частей и команд; иначе говоря, свыше 50% всех волнений в крае *) были признаны носившими более или менее серьезный характер, что может до известной степени характеризовать настроение крестьянских масс и их твердость в их, хотя бы и превратных, убеждениях и ожиданиях.

---

*) По всей России процент случаев применения военной силы значительно больше — около 65%. См. Обзор действий Мин. Внутр. Дел по крестьянскому делу, Спб., 1864, стр. 9.

Войска вызваны и прибыли на место назначения. Какое впечатление производит самое их появление на «бунтующихся» крестьян? Наблюдатели отмечают признаки страха у крестьян [115]), но этот страх, если он и был у населения, то быстро пересиливался и не останавливал его от прежней линии поведения и от прежних заявлений и настояний.

Роль воинских частей и команд выражалась в различных формах. В одних случаях было как будто достаточно одного их присутствия при новых увещаниях и уговорах властей [116]). Расквартирование войск в волнующемся селении оценивалось администрацией как успешное средство преодоления крестьянского упорства и опасного умонаклонения [117]). В ряде других случаев воинам приходилось проявить несколько большую активность более боевого характера, а именно принимать меры к аресту зачинщиков и вредно действовавших на крестьянство лиц [118]). Трудно точно установить общее число арестованных по делам о волнении, но во всяком случае на 50—60 арестованных военной силой у нас есть прямые, конечно, неполные указания.

Однако, выполнение этих поручений было далеко не всегда легко и беспрепятственно доступно. Во многих случаях необходимо было вынести сопротивление крестьян, порой побеждаемое только силой оружия. Необходимо подчеркнуть, что до стрельбы в Новороссийском крае никогда не доходило, что, повидимому, дало смелость генерал-губернатору гр. Строгонову утверждать в докладе в высшие сферы о непролитии крови

в крае при усмирении волнений [119]). Сейчас увидим, что это не совсем так, и крови было пролито весьма не мало, но иными —более простыми и более привычными для того времени способами—при телесном наказании. Живой пример может ярко показать, при каких обстоятельствах солдатам приходилось обращаться к оружию. Восьми нижним чинам без оружия поручено схватить подстрекателя крестьян дер. Богдановки (Павлоградского у. Екатеринославской губ.), что однако не удалось, и был арестован другой крестьянин. Тогда все крестьяне бросились на вызванную в деревню роту, и последняя была вынуждена сделать отпор холодным оружием, при чем 21 человек был ранен и контужен, правда, легко [120]). Обнажены и пущены в ход шашки были и во время волнения в дер. Новоселки (Бахмутского у. Екат. губ.), когда толпа крестьян пыталась отбить арестованного Харьковца у весьма недостаточного караула у места его заключения [121]). К помощи прикладов принуждены были прибегнуть солдаты при жестоком натиске крестьян дер. Любомирки и Князь-Григорьевки, где только таким путем удалось остановить азарт крестьян [122]); при этом, однако, генерал-губернатор Новороссии имел частные сведения, что и. д. таврического губернатора сначала бил некоторых из крестьян своеручно, а потом приказал будтобы солдатам колоть их штыками, вследствие чего причинены были крестьянам легкие раны штыками и прикладами [123]).

Арестом важнейших зачинщиков, т. е. ослаблением энергии крестьян, не кончалась работа усмирителей; вслед за пресечением преступления надлежало наложить

наказание на виновных. Основным, главнейшим наказанием было—сечение, розги—в соответствии с общей современной военной и гражданской практикой. В переписке по делам о волнениях крестьян не мало указаний на подобную расправу, но произвести точный учет всем наказанным и определить применявшуюся меру наказаний не представляется возможным. В ином случае указывается точная цифра—от 15 до 20 или от 5 до 50 ударов розгами [124]), но рядом с этим встречаем общую формулу— «умеренно» [125]) или по «мере вины» [126]). А к тому же надо иметь в виду неточность официальных указаний. Мы не знаем источника, из которого получил сведения Герцен о событиях в Одесском уезде (дер. Ташино), но данные он сообщает в «Колоколе» весьма любопытные: «Свечин (уездн. предв. двор.) говорит, что давал не более 30 ударов, а по рассказам солдат, крепко были наказаны от 300 до 400 ударов; офицеры этого не говорят, но на них полагаться нельзя» [127]).

Подсчитав все имеющиеся у нас точные цифры подвергшихся «полицейским взысканиям», т. е. розгам через полицию и через воинские части, мы получим довольно значительную сумму—183 человека, число явно не полное, ибо для некоторых селений имеем лишь общие ссылки, а кроме того в этот счет не взята, напр., цифра наказанных в дер. Ташино, где по сведениям «Колокола» было наказано 80 человек, а по сведениям сцециально посланного для расследования обстоятельств дела капитана Полнера—2 крестьянина засечены, 1 ранен в щеку, 1 беремен. ранена, 18 чел.

исповедано и т. д.[128]). При такой неточности цифрам не приходится придавать особого значения, но все же они есть terminus, от которого следует считать число жертв «усмирения» волнений.

IV.

11. Обратимся теперь к общему цифровому материалу для характеристики интенсивности крестьянских волнений после опубликования Манифеста 19 февраля 1861 г. Официальная сводка, опубликованная в «Обзоре действий Мин. Вн. Дел по крестьянскому делу с янв. 1861 г. по 19 ф. 1864 г.» (СПБ., 1864 г.), даст для всей России следующие цифры крестьянских волнений по полугодиям, понимая под «волнением» брожение крестьян, имевшее место хотя бы в нескольких селениях, но имевшее общий корень и единое по действующим лицам и основным проявлениям [129]).

		число волнений	%%
1861 г.	апрель—июнь	647	50
	июль—декабрь	137	10,58
1862 г.	январь—июнь	300	23,20
	июль—декабрь	88	6,80
1863 г.*)	фев.—декабрь	122	9,42
	всего	1294	100

*) Только важнейшие случаи.

Эти цифры, воспроизведенные в последнее время в названной выше статье А. З. Пепельницкого [130]), не могут считаться совершенно исчерпывающе и точно изображающими крестьянские волнения на территории всей России, во-первых, в силу неполноты сведений, проявляющейся, напр., в отношении Таврической губернии, беспорядки в пределах которой 1861 — 1863 г.г. остались совершенно неотмеченными в «Обзоре» (см. стр. 9, 124), во-вторых, вследствие некоторого отбора подобных фактов при сообщении их высшему правительству, и в-третьих, по причине неравномерности подсчитанных сведений для 1861-2 г.г. с одной стороны, и 1863 г., с другой. Это последнее обстоятельство лишает нас возможности установить правильный и точный темп развития и спада волнений крепостных крестьян на протяжении трех лет, ближайших к реформе. Оговорка, которую вполне основательно делает по этому поводу составитель «Обзора действий М. В. Д», отмечая большую сознательность и благоразумие крестьян в 1863 г. сравнительно с 1861 г. и большую осторожность местной администрации в оценке недоразумений и недовольства, останавливавшую ее от определения каждого их проявления в смысле «беспорядков и волнений» [131]), — эта оговорка лишь частично исправляет общую картину, не заменяя все же ясного и точного языка цифр и их сравнительного значения. Еще менее удовлетворяет нас та сводка, которую на основании различного печатного материала приводит И. Игнатович, имеющая сведения о 328 селениях, волновавшихся в 1861-3 г.г., причем из них

в 1861 г. волновалось 279 селений, в 1862 г. — 35 и в 1863 г.—4 [132]).

Эти замечания оказываются понятными и необходимыми в виду того, что для Новороссийского края мы обладаем более равномерно сохранившимися сведениями для всех трех интересующих годов, которые дают несколько иное соотношение между цифрами волнений 1861 и 1863 г. г., бросающееся в глаза и неожиданное после сводки Министерства Внутр. Дел,—если бы при ней не было подчеркнутой только что оговорки, признавать же это особенностью Новороссии нет никаких оснований. как можно заключить хотя бы по причинам и поводам волнений в 1863 г., общим, конечно, для всей России.

Наш материал дает возможность в следующей таблице представить картину развития крестьянских «беспорядков».

	число волнений в			
	1861 г.	1862 г.	1863 г.	за 3 года
Херсонская губерния.	20	4	6	30
Екатеринославская губ.	3	3	8	14
Таврическая губ. . . .	5	4	2	11
всего . . .	28	11	16	55

При рассмотрении этой маленькой таблицы бросается в глаза два хронологических момента, когда крестьянское недовольство и брожение проявлялось с наибольшею силой и настойчивостью, — именно 1861 г. и затем год 1863-й; во время промежуточного 1862 года волнения крестьян не были столь интен-

сивны и напряженны и имели место в несколько меньшем числе мест сравнительно с годом предшествующим и последующим. Выражая это соотношение в процентах, мы получаем такую очередь (для всего Новороссийского края):

1861 г.	1862 г.	1863 г.
50,9%	20%	29,1%

Это соотношение числа волнений для отдельных Новороссийских губерний изменяется в различные стороны; для Херсонской губернии очередь годов в процентах такова: 66,6%—13,33% — 20%; особенно показательны соотношения для Екатеринославской губ.: 21,49% — 21,49% — 57,12%, и только для Таврической губернии это чередование годов дает иную картину: 45,45% — 36,35% — 18,2%, т. е. обнаруживая значительный спад боевого настроения и под'ема крестьян.

При составлении приведенной таблицы повторные волнения крепостных крестьян в известных местах в 1861 и 1862-3 гг. принимаются за отдельные волнения, причем, конечно, отмечаются лишь моменты начала волнений, порой переходящих и в следующий год. Таких случаев было немного, а именно: по Херсонской губернии в Бобринецком уезде — 1 (продолжение и в 1863 г.), по Таврической губ.—2. Такое малое число повторных волнений не лишает сравнительное сопоставление числа волнений на протяжении трех годов 1861-3 значения и смысла, ибо если в 1861 и 1862-3 гг. и не те же самые крестьяне выступали

со своим протестом против тех или других сторон применения Положений 19 февраля на практике, то все же можно наблюдать в этих волнениях отражение не только местных причин и условий, но и проявление общего большому числу крепостного крестьянства настроения и «умонаклонения». Это особенно ясно выступает при знакомстве с этим «умонаклонением», как с основным фоном, на котором развиваются крестьянские волнения.

Для характеристики интенсивности и напряженности крестьянских волнений имеет немаловажное значение не только число волнений, т. е. число гнезд, где обнаруживалось волнение крепостных крестьян, но и число селений и деревень, принявших участие в этом волнении. По официальной сводке Мин. Вн. Дел в 1861 г. волновалось 2034 селения на всю Россию (без 5 губерн.), в 1862 г.– 573 селения, для 1863 г. цифры селений в сводке не дано [133]). Для Новороссийских губерний мы имеем возможность дать следующие цифры:

	1861 г.	1862 г.	1863 г.	Итого селений
Херсонская губерния	61	9	14	84
Екатеринославская губ.	13	9	8	30
Таврическая губ. . . .	15	14	3	32
Итого селений .	89	32	25	146

В процентах соотношение между числом селений, волновавшихся в рассматриваемые три года, таковы: 1861 г. -61%, 1862—22%, 1863 г.—17%.

В этой таблице не удалось отметить точно селений Екатеринославской губернии по Ростовскому и Славяносербскому уездам, относительно которых мы имеем указания, что в волнении находились целые волости — Васильево-Петровская первого уезда и Еленовская второго. Названия волновавшихся селений этих волостей должны были бы увеличить общую цифру для двух первых годов рассматриваемого периода. Другая поправка к этому подсчету заключается в том, что значительное число селений, отмеченных в 1862 году, волновалось и в 1863-ьем, а именно по Херсонской губернии 4, Екатеринославской 7 (и вся Еленовская волость), Таврической 4, т. е. всего 15 селений. Эта последняя поправка может, однако, лишь весьма незначительно изменить соотношение между цифрами трех годов, почему остается признать, что число селений, участвовавших в брожении крепостных крестьян в 1861—63 г.г. постепенно стало уменьшаться. При сравнении этих данных с числом волнений в 1863 г., несколько большим, чем в 1862 г. и еще значительно большим в 1861 г., можно сделать заключение, что в среднем к концу этого трехлетнего периода волнения стали захватывать меньшее количество селений и стали менее широкими по территории и числу участников — селений и деревень. Это еще яснее обнаруживается при рассмотрении числа крепостного населения тех селений, которые в нашем источнике указаны, как места волнений и беспорядков.

Сводка Министерства Внутренних Дел не заключает в себе указаний на число волнующихся крестьян или хотя бы на общее число крепостных, проживавших в

волнующихся селениях. Между тем подобные цифры представляют исключительный интерес, приближая нас непосредственно к самим волнующимся крестьянам, к самим носителям и выразителям своеобразного народного «умонастроения» и понимания дела реформы 19 февр. 1861 г., вызвавшей их протест против некоторых его сторон. К сожалению, мы не имеем точных цыфр «волнующихся» крестьян, а те указания, какие имеются порой в переписке о составе «бунтующей толпы», конечно, не исчерпывают всех волнующихся, а кроме того слишком случайны и редки, дабы быть основой для общих подсчетов и соображений. Пользуясь цифрами «Списков населенных мест», взятых, большею частью, из итогов 10-й ревизии конца 50-ых годов [134]), мы имеем возможность составить следующую таблицу:

	1861 г.	1862 г.	1863 г.	Итого
Херсон. губ.	7924	1870+1224 волновавш. в 1861 г.	5242+1224 волновавш. в 1862 г.	15025
Екатер. губ.	3548 волост.	1809 + волость + 861 волновавш. в 1861 г.	3457+2499 волновавш. в 1862 г.	8814
Таврич. губ.	1690	2740 + 886 волновавш. в 1861 г.	597 + 3490 волновавш. в 1862 г.	5027
		6519+2926	9296+7213	28876 д. м. п.
Итого . . .	13162	9445	16509	

При рассмотрении этой таблицы необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что некоторые из селений, волновавшиеся в 1861 г., обнаружили броже-

ние и в следующем 1862-м году, и вместе с тем волнения, начавшиеся в 1862 г., во многих селениях продолжались или возобновлялись в 1863 г. Таким образом, в ряде мест население оказалось весьма упорным в своем настроении, причем это упорство особенно относится ко второй стадии, т. е. к 1862—3 г.г., когда две трети волновавшихся в 1862 г. (7213 из 9445) продолжали свое волнение и упорство. При рассмотрении цифр по годам мы видим, что 1861 г. и 1863 г. были моментами наибольшей остроты, в то время как в 1862 г. в волнении находилось значительно меньшее число крепостных. В общем итоге из числа всех крепостных крестьян Новороссийских губерний выступили в активной роли протестующих против того или другого применения «Положений 19 февраля 1861 г.»—28.876 д. м. п., т. е. круглым счетом около 30.000 душ, что составляет по отношению ко всему крепостному населению Новороссии—344.330 д. м. п., крестьян и дворовых [135])—8,3%. Наибольшее число крестьян оказывается в волновавшихся селениях Херсонской губернии, т. е. больше половины всех волновавшихся крестьян Новороссии, несколько менее четверти — в Екатеринославской, и около шестой доли—в Таврической. По отношению к крепостному населению этих губерний число волновавшихся крестьян составляет:

Херсонская губ. (160.673 д. м. п.)= 9,36%.
Екатерин. губ. (163.058 « « «)= 5,40%.
Таврическ. губ. (20.599 « « «)=24,40%.

Таким образом, наиболее остро почувствовали волнение крестьян помещики Таврической губернии, имев-

шей весьма слабое крепостное население, четвертая часть которого в официальной переписке представлена «бунтующей» и производящей беспорядки. Для Екатеринославской губернии мы имеем лишь неполные цифры, и если мы примем во внимание глухие указания на волнения всей Еленовской волости Славяносербского уезда и всей Васильево-Петровской волости Ростовского уезда, то пришлось бы цифру процентов повысить до 7—8-ми. В общем итоге около десятой части всего крепостного населения приняло активное участие в волнениях — этом протесте против «облыжного освобождения» (слова Герцена) [136]).

Итоги...

Обратимся прежде всего к итогам официальным. «Не скрываю от Вас, Государь, писал гр. Строгонов во всеподданнейшем отчете о состоянии Новороссийского края в 1857-61 гг., что большая часть крестьян на первых порах не в состоянии была обнять новые права свои; отсюда произошли в некоторых именпях края недоразумения, подавшие повод к самым беспорядкам, для прекращения коих местные власти вынуждены были употребить даже войска»[137]). Волнения происходили, писал в 1863 г. преемник Строгонова П. Е. Коцебу, «от ложного понимания Положения о крестьянах и все прекращены большей частью увещанием чинов полиции и лиц мировых учреждений, только немногие нравственным влиянием силы войск и наказанием более виновных крестьян»[138]).

Подобные толкования «недоразумений», «заблуждений», «ложного понимания» и т. п. были общи и губернской и местной администрации. Все волнения, по неоднократным заявлениям ее представителей, есть плод недоразумения, непросвещенности и т. п., преодолеваемых путем доступного крестьянам раскрытия смысла законоположений 19 февраля[139]). Совершенно ясно, что это об'яснение слишком внешне, поверхностно и фор-

мально. Сам Строгонов в ноябре 1861 г. пишет Министру Внутр. Дел Валуеву: «Все, что я видел во время этой поездки (по краю) и что заявлено заслуживающими доверия лицами, дает мне право сказать с уверенностью, что шаткость отношений временно-обязанных крестьян к прежним владельцам не представляет враждебного начала, которое не так давно еще было предметом различных опасений. К сожалению, однако, я удостоверился, продолжает Строгонов, в отсутствии у временно-обязанных крестьян сознания, что права их на личную свободу и поземельную собственность не простираются за пределы Высочайше утвержденного Положения 19 февраля с. г.,— говоря определительнее, люди эти ждут для себя чего-то лучшего, какой-то особенной, новой воли, неограниченных прав собственности на землю прежних владельцев... Благоразумно ли будет не обратить теперь же крестьян к действительности?»[140]).

Этими словами Строгонов как бы подтверждает правильность указания Д. Самарина, когда последний говорит, что «брожение, вызванное в народе Положением 19 февраля 1861 г., было вовсе не безрассудно, как оно вообще казалось»[141]). Дело здесь касается, ведь, не частного недоразумения крестьян селения X с помещиком У-ом, но всей системы отношений крепостного крестьянства к земле и помещикам. В основании одного конфликта может лежать взаимное недоразумение и заблуждение, но в массовом и повсеместном явлении надлежит искать причину органическую.

Эта органическая причина — в несоответствии актов 19 февраля ожиданиям и чаяниям крепостных. Перед

их взором издавна маячил образ подлинной воли— полной и безусловной—и непосредственное соприкосновение с кормилицей-землей без панского посредничества и контроля. Манифест 19 февраля 1861 года, столь долго жданный и так широко возвещенный, показался им тем чистым источником живой и возрождающей воды, испив которой они сразу вступят в новую жизнь. Припав к нему жадными и воспаленными устами, крестьянство ощутило прилив новых сил и увидело начало осуществления своих мечтаний. Опьяненное первыми глотками этого напитка, крестьянство не сразу почувствовало горький его привкус и не сразу распознало и узнало сложный его состав. Вместо истинной свободы и настоящих прав на землю Манифест дал им недостаточный и ограниченный надел с обязательным выкупом и временно-обязанное положение с обязательными повинностями помещику. Мечта столкнулась с реальной действительностью. Одних это сразу вернуло к прежнему состоянию. Но для иных в этой мечте была подлинная реальность, отказ от нее был решительно невозможен, откуда—упорная защита своего толкования Манифеста и решительная борьба с его противниками. Да, взрыв этого органического протеста был вызван, конечно, «превратным толкованием» акта 19 февраля 1861 г. Но в его основе не недоразумение, непонимание и т. п., а насущнейшие запросы и потребности крепостного крестьянства, все его надежды и упования.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Северная Пчела, 1861, №№ 58, 64; Таврич. Губ. Ведомости, неофиц. часть, № 12 от 25 марта 1861 г.

2. Северная Пчела, 1861, № 89, фельетон «Вести с юга России».

3. Херсонские Губ. Ведомости, ч. неоф., 1861, № 14 от 8 апр.

4. Архив генерал-губернатора в Одессе (ниже всегда сокращенно АГГ), 1861 г. особен. часть, № 9, лл. 43—4 и др.

5. Там же, л. 24—5; ср. секретн. часть, № 10, л. 74.

6. Там же, 1860, особ. 32, л. 251.

7. Ibid., 1861, особ. 9, л. 26—7.

8. Ibid., л. 47—8.

9. Ibid., л. 31.

10. Ibid., л. 59—60.

11. Мемуары *К. А. Рощаковского* времени освобождения крестьян. Киевская Старина, 1887, июнь—июль, стр. 409.

12. Обзор действий Мин. Внутр. Дел по крестьянскому делу с янв. 1861 г. по 19 февр. 1864. Спб., 1864, стр. 125.

13. Провинциальные нравы за последние полвека. Воспоминания *Ф. Я. Лучинского*. Русская Старина, 1897, окт., стр. 202—205.

14. АГГ, 1861, секр. 10, л., 38—9.

15. Слова П. Колунова из Ростова на Дону в конце марта 1861 г. Ibid., особ. 9, л. 213.

16. Напр., д. Анновка и Алексеевка пом. Взметнева, Симфероп. у. Таврич. губ. *Арс. И. Маркевич*. Освобождение крестьян в Таврической губернии. Известия Таврич. уч. арх. ком.

№ 47., Симферополь, 1912, стр. 57.

17. Арх. Ген. Губ., 1861, особ. 7, № 20.

18. Ibid., секр. 10, л. 105—6.

19. Ibid., л. 92—99.

20. Ibid., 1861, 4 отдел. 3 стол, № 65, л. 3—4.

21. Ананьевск. у. Херс. губ. Ibid., секр. 10, л. 115—19.

22. М. Анчекрак Одесск. у. Херс. губ., имение гр. Кушелева-Безбородко. Ibid., 4 отд. 3 ст., № 40.

23. Ibid., 1865. особ. 23. Ср. Ibid., секр. 10, л. 165—6.

24. Ibid., 1861, секр. 10, л. 84—5.

25. Ibid., л. 92—99.

26. Ibid., 4 отд судн. 3 ст., д. № 65, л. 3—4.

27. Феодос. у. Таврич. губ. *Маркевич*, op. cit., стр. 56.

28. АГГ., 1861, секр. 10, л. 67—71.

29. Ананьевск. у. Херс. губ. Ibid., лл. 115—119 и след.

30. Ibid., лл. 20—1, 26—28.

31. Насыпкой Феодос. у. *Маркевич*, 56.

32. М. Гросуловка Тирасп. у. Херс. губ. АГГ., особ. 19, л. 30; секр. 10, л. 67—71.

33. Ibid., секр. 10, л. 7—8.

34. С. Новоселка Бахмутск. у. Екатериносл. губ. Ibid., л. 61—4, 74—78.

35. См. Сборник правит. распор. по крестьянскому делу, т. II. ч. 2, стр. 52.

36. АГГ., 1865. особ. 23. Ibid., 1861, секр. 10, л. 279—81, 211—225.

37. Ibid., секр. 10. л. 182—192. Ср. Высочайшее повеление от 1 дек. 1861 г., распубликованное в циркуляре Мин. Вн. Дел (Сборник правит. распоряжений по крестьянск. делу, т. II, ч. 2, стр. 51—2) повидимому по предложению Новорос. Ген.-губ. гр. А. Г. Строгонова. См. АГГ., 1861, особ. 29., л. 247—8, 299.

38. АГГ., секр. 10, лл. 193, 228—9, 230—1, 246, 246, 262—4; 3 ст. 4 отд. судн., № 43.

39. Ibid., 1861. секр. 10, л. 230—1, 182—3; 354—5, 358, 369, 301; 1914—5; 283; 180: 279—81, 297—9; 1863, особ. 15. *Маркевич*, 62.

40. Ibid., секр. 10, лл. 182—92, 315 - 6; 358, 369; 279—81, 297—9; особ. 23; 1863, особ. 15. *Маркевич*, 62.

41. АГГ., секр. 10, л. 194—5, 279—81, 297—9.

42. АГГ., 1861, секр. 10, 315—6, 354—6. 1863, особ. 15. Ср. секр. 10, 318—40. По подсчету *Т. И. Осадчего* (Крестьянское надельное землевладение Херс. губ. в связи с платежами крестьян, Херсон, 1894, стр. 85) в Херс. губ. даровые наделы распределяются так: 13,9% обществ с дар. наделом, 12,8% дворов-хоз., 13,6% наделов, 12,4 наличн. населения, 5,0% земли. Лосицкий (Хозяйственные отношения при падении креп. права. Образование, 1906, XI) дает такие цифры: Екатериносл. губ.— 25% крепостных перешли на даровой надел, Тавр.—26%, Херс.— 10%. Официальная сводка 1907 г. (Дарственное надельное землевладение (по обследованию 1907 г.), Спб. 1908, стр. VII): Екатерин. 23, 7%, Таврич. 14, 9%, Херс.—12, 2%.

43. АГГ., 1861, секр. 10, л. 354—5.

44. Ibid., л. 318—340.

45. Ibid., л. 315—6; 1865, особ. 23.

46. Ibid., 1863, особ. 15,

47. Ibid., 1861, секр. 10, л. 182—92.

48. Ibid., л. 354—5, 182—92, 211—225 и др.; 1863, особ. 15.

49. Ibid., 1861, особ. 9, л. 21—3.

50. Ibid., л. 16—17.

51. *Барсуков.* Жизнь и труды Погодина, т. 18, Спб., 1904, стр. 31, 63.

52. Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. С примеч. М. Драгоманова, Женева, 1892, стр. 139.

53. См. указания майора Хотяева 2-го из Павлограда. АГГ., 1861, особ. 9, л. 35—42, пункт 5.

54. *Игнатович, И. И.*, назв. выше статья, Минувшие годы, 1908, VIII, стр. 63—4

55. АГГ., 1861, секр. 10, л. 232—252.

56. Ср. замечания М. Олышевского из Бендер. АГГ., 1861, особ. 9, л. 26—7.

57. Ср. замечания Колунова из Ростова на Дону. АГГ., 1861, ч. особ. 9, 21—23.

58. Киевская Старина, 1905, февраль и март—«Перевод П. А. Кулиша на украинский язык Манифеста 19 февр. 1861 г. и Положения о крестьянах». Сообщение Г. Васикевича.

59. Северная Пчела, 1861, № 279, от 14 дек. 1861 г.

60. АГГ., 1861, особ. 9, 35—42.

61. См. статью С. Ефремова—«З офіціальної української литератури 60 років XIX в.» в Українськом Науковом Збірнік'е т. 2. Киев, 1917. Эта статья известна нам по цитате в «Наше Минуле» 1918 г. V, № 2, статья О. Соловия о С. Носе, стр. 121, прим. Не к этому ли изданию и факту относится указание «Северной Пчелы» о работе Божовского, екатеринославского чиновника, знавшего украинский язык, как видно из нашего текста?

62. АГГ., 1861, секр. 10, л. 5—6.

63. Ср. «Окружное послание причтам Таврической Епархии», *Маркевич*, 39.

64. АГГ., 1861, особ. 9, л. 35—42, п. 5.

65. См., напр., телеграмму Херс. губ. предв. двор. к ген. губ. Строганову: «обнаружилось: поводом беспорядков были превратные толкования некоторыми священниками». АГГ., 1861, секр. 10; тоже см. в сообщении херс. губернатора, АГГ., Ibid., л. 31.

66. АГГ., 1861, секр. 10, л. 29—30.

67. Арх. Херс. Дух. Консистории, 3 судн. стола, 1861, 6048-58,

68. АГГ., 1861, секр. 10, л. 30, 32—3, сообщение помещика Кудрявцева.

69. Арх. Херс. Дух. Конс., 3 судн. ст., 1861, 6139-141.

70. АГГ., 1861, секр. 10, л. 48—50.

71. Ibid., л. 25.

72. Ibid., л. 26—8. Об этом деле было сообщено Александру II. См. статью *А. З. Попельницкого*—«Первые шаги крестьянской реформы» в издании Сытина «Великая реформа», М 1911, т. V, стр. 193—4. К глубокому сожалению, «дело» об этих священниках не сохранилось в Архиве Херс. Дух Консистории, как и еще несколько аналогичных «дел».

73. АГГ., секр. 10, л. 5—6, 136—140.

74. Ibid., л. 14.

75. АГГ., 1861, секр. 10, л. 91, 92—99.

76. Арх. Херс. Дух. Консистории, судн. 3 стол, 1861, 6080-84.

77. Ср. еще ложное обвинение свящ. с. Романова—Банка Анан. у. Херс. губ. Петровского в выдаче крестьянам выписей из метрических книг с увеличением числа лет для уклонения от барщины (св. 50 л. для женщин и свыше 55 лет для мужчин). Арх. Херс. Дух. Консистории, 1862, 3 судн. стол, 6319-190.

78. См. печатный указ ее от 10 марта 1861 г.

79. АГГ., 1861, секр. 10, л. 105—6; особ. 9, л. 45—6.

80. АГГ., 1861, особ. 22. См. еще *Маркевич*, стр. 62.

81. АГГ., 1861, секр. 10, 86.

82. Ibid., л. 315—6.

83. Ibid., л. 67—71.

84. Ibid., особ. 9, л. 43—4.

85. Ibid., л. 35—42.

86. Ibid. Ср.—упорство кр. в с. Елисаветовке Новомоск. у. Екатериносл. губ. поддерживали госуд. крестьяне из-за своих материальных выгод,—дешевая аренда и т. п. АГГ., 1865, особ. 23.

87. АГГ., 1861, секр. 10, л. 358; 84—5; 134; особ. 20; ср. особ. 6, л. 440—1 и 4 отд. 3 ст., № 82 и др.; 4 отд. 3 ст., № 56.

88. Северная Пчела, 1861, № 194 от 2 сент., фельетон А. А. А.—«Вести с юга России». АГГ., 1861, секр. 10, л. 61—4, 74—78.

89. АГГ., 1861, особ. 6, 472—3; 1861, секр. 10, 115—20, 142 a—c, 150.

90. Ibid., секр. 10, л. 91, 92—9.

91. Ibid., л. 232—252.

92. АГГ., 1861, секр. 10, лл. 232—252.

93. АГГ., 1861, секр. 10, л. 208—9.

94. Ibid., 230—1.

95. АГГ., 1861, 3 ст. 4 отд. судн., № 65, л. 3—4. Ср. подобный же отзыв о земле Войска Донского и его влиянии, ibid., особ. 9, 1861, л. 21—3, ср. 35—42.

96. Слова предс. Екатериносл. губ. присутствия. АГГ., 1861, особ. 29, л. 191—2.

97. Ibid., особ. 9, л. 30.

98. Ibid. л. 45—6, 35—9; 4 отд. 3 ст., № 56.

99. *Самарин, Д. Ф.* Собрание статей и пр., т. I, М. 1903, стр. 17.

100. АГГ., 1861, секр. 10, л. 29—30, 182—92. В Херсонской губернии — флигель-ад'ютант Голынский, в Екатеринославской — Рейтерн, в Таврической — гр. Бобринский 2-ой. Сборник правит. распоряжений, т. II, ч. I, Спб. 1861, стр. 169—171.

101. АГГ., 1861, судн. 4 отд. 3 ст., № 65, л. 3—4.

102. АГГ., 1861, секр. 10, лл. 86, 2, 5—6, 17—8, 51—2, 315—6, 338; судн. 3 ст. 4 отд., № 56; *Маркевич*, стр. 56; *Лучинский*, op. cit., стр. 202—5.

103. АГГ., 1861, секр. 10, л. 403—5.

104. Ibid., 1863, особ. 15.

105. *Попельницкий*, Современный мир, 1911, III, стр. 170, См. Высочайшее повеление об отмене лагерных сборов в 1862 г. в случае надобности. Сборник правит. распоряжений, т. III, ч. I, стр. 41.

106. Высочайшее повеление 16 авг. 1861. Сборник правит. распоряжений, т. II, ч. 2, Спб, 1862, стр. 154—6; ср. циркуляр Мин. Вн. Дел от 4 сент., там же, 157—8.

107. Арх. Ген. Губ., 1861, секр. 5. К сожалению, среди жалких остатков архива штаба 5-го корпуса в Одессе материалов по этому делу не оказалось.

108. Ibid., особ. 9, 26—7.

109. Волнение это отмечено в «Обзоре действий МВД», стр. 8; у *Попельницкого*, Совр. мир, 1911, 2, стр. 222—3.

110. Сборник правит. распоряжений, т. III, ч. 1, стр. 6—7, от 18 янв. 1862 г.

111. АГГ., 1861, секр. 10, л. 9—10, дер. Сахаровка и др. Одесск. у. Херс. губ.

112. Ibid., л. 74—78.

113. Ibid., л. 198—9.

114. Ibid., 38—9.

115. Ibid., 211—225.

116. *Маркевич*, 62. АГГ., 1861, секр. 10, л. 265—78, 302; особ. 9, л. 34—«нравственное влияние силы войск»!

117. АГГ., 1861, секр. 10, л. 198--9. *Маркевич*, 62.

118. АГГ., 1861, секр. 10, лл. 265—78; 318—340; 180, 300 и др.

119. АГГ., 1861, фонд Новороссийских губерний, № 701, стр. 2--6. См. также *С. Я. Штрайх.* Из эпохи освобождения крестьян (По неизданным документам). Спб., 1911, стр. 9—11 (= отд. оттиск из «Русской Старины», 1911, февраль).

120. АГГ., 1861, секр. 10, л. 194--5.

121. Ibid., 74—78,

122. Ibid., 278—81, 92—99.

123. Ibid., 303.

124. Ibid., л. 232—52; 1861, особ. 23, л. 33.

125. АГГ., 1861, секр. 10, л. 92—9.

126. Ibid., л. 105—6 и след.

127. «Колокол», лист 98—99, 15 мая 1861 г., стр. 822.

128. АГГ., 1861, секр. 10, л. 38—9.

129. «Обзор действий М. В. Д.», стр. 9; ср. 6, 8, 126.

130. Современный мир, 1911, III, стр. 168, 171, 184 и др.

131. «Обзор действий М. В. Д.», стр. 125.

132. Минувшие годы, 1908, XI, стр. 190.

133. «Обзор действий» и т. д., стр. 9, 126.

134. Цифры «Извлечений из описаний помещичьих имений», изд. при «Материалах редакционных комиссий», имеются только для части селений, почему для получения общих итогов ими нельзя воспользоваться; к тому же цифры эти, иногда, может быть, более точные, чем в «Списках населенных мест», по общему признанию современников, не всегда правильны, что об'ясняется составлением их самими помещиками при подготовке реформы.

135. По *Тройницкому*, Крепостное население в России по 10 народной переписи. Спб., 1861, стр. 31, 38, 39.

136. Полное собрание сочинений *Герцена*, ред. Лемке, Пб., 1919, т. XI, стр. 194.

137. АГГ., 1861, фонд Новорос. губ., № 701, л. 2—6, отчет подписан 20 авг. 1861 г. См. и *Штрайх*, op. cit., стр. 10.

138 АГГ., 1863, особ. 32, л. 6—7, Всеподданнейший отчет подписан 21 сент. 1863 г.

139. Ср. указание Строгонова, что «единственная причина волнений крестьян—невыразумение ими отношений к помещикам». АГГ., 1860, особ. 32, л. 273—4.

140. АГГ., 1861, особ. 29, л. 247—8, доклад от 13 ноября 1861 г.

141. Собрание статей, т. I, М. 1903, стр. 18.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА